

Искорка

Владимир ОРЛОВ

ЖУРАВЛИ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газеты
«Ленинская
искра» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ИЮНЬ • 1972

год издания XVI

Летят журавлей
Караваны
Которые сутки
Подряд.
Под ними
Гремят океаны,
Над ними
Созвездья горят.
Им плохо
На отдыхе спится,
Среди незнакомой
Земли.
На север
Торопятся птицы,

В Россию спешат
Журавли.
Грохочут грома
В перестрелке,
И талые воды

гудят,
Но клювы,
Как чуткие
стрелки
Всё время на
север

Глядят.
Встречает их
Снегом и градом
Весенняя наша
Пора.

Глаза им слепит
Снегопадом,
Им крылья
ломают
Ветра.
Но птицы не
просят

Подмоги,
России верны
До конца.
На этой нелёгкой
Дороге
Им компасом
служат
Сердца.

Рис. В. Адаева

ПУСТАЯ ОБОЙМА

Рыбачить друзья решили идти на зорьке. И подальше от села. Уговорились так — чуть начнёт светать, Витяй стукнет к Сашку в окошко.

Но Витяй почему-то не стукнул. И Сашок проспал.

И оттого что Витяй по какой-то непонятной причине не разбудил его, от насторожённой, как ему показалось, тишины в избе, на Сашка, когда он проснулся, нахлынула тревога. Суматошно вскочив, он хотел прежде всего бежать к Витяю, узнать, что случилось. Но бабушка не пустила, заставила сначала умыться и поесть.

На завтрак бабушка нажарила картошки с салом. И не успел Сашок сполоснуть под рукомойником лицо и схватить вилку, как его тревожное предчувствие сбылось. Дверь из сеней без стука отворилась, и в избе появился полковник дед Яков Рогов со своей неизменной сучкастой палкой. Ручка у полковничьей палки была вырезана в форме собачьей головы с открытой пастью. А на выгоревшем зелёном кителе без погон не хватало двух пуговиц.

При виде полковника в горле у Сашка застряла картофелина. И нестерпимым жаром

вспыхнули уши. Стрельнув глазами на бабушку, Сашок часто-часто замигал и прижался к столу.

— Вот что, Анисья Киселёва, — не замечая Сашка, обратился полковник к бабушке, — твой внук и его друг Виктор Пономарёв у меня спиннинг стащили. Я доподлинно знаю, что они. Предупреждаю тебя, Анисья Киселёва, и родителям их передай: сегодня же не вернут, худо будет. Если они с таких лет по своим лупить начали, что из них дальше получится? Кого вы из них вырастить

хотите? Воров? А я хочу, чтобы они людьми стали. Я для их же блага до города дойду, в милицию на них заявлю. Так и знай.

Бабушка, заметив входящего в горницу гостя, стала было торопливо вытирать фартуком руки, но, когда услышала слова полковника, решительно опустила фартук и поджала губы.

— Ты, свет Яков Трофимыч, говори, да не заговаривайся,— строго сказала она. — Мало от тебя в колхозе никакого спокойя, так ты теперича за ребяташек принялся. Наш Сашок дома-то из буфета отродясь без спроса ничего не взял. Да как у тебя твой поганый язык...

— Я тебе всё сказал, Ани-сья Киселёва, — стукнул пол-

ковник дед Яков в пол палкой и толкнул дверь в сени.

— Ах ты бес старый! — заметалась бабушка по избе, когда утренний гость так же неожиданно исчез, как и появился. — Ах ты сатана неугомонная! Ишь моду удумал — на безответных мальцов теперь клепать!

Она загремела у печи посудой, в сердцах шуганула дремавшую на кровати кошку, подскочив к Сашку, ткнула его ладошкой в затылок:

— А ты ешь! Ешь! Чего сидишь, уши развесил? Полковник никогда попусту наговаривать не станет. Брал ты у его чего или не брал? Сейчас мне отвечай: брал или нет?

— Ничего я у него не брал, — пробурчал Сашок, ещё

ниже нагибая голову и чувствуя, что вот-вот разревётся.

— Ясно, не брал! — ещё пуще зашумела бабушка. — Не может мой внук чужого тронуть! Ах он старая кочерыжка! И за что только на наше село напасть такая? Ещё обойму людям голову морочит. А сам как есть пустая обойма. Отстрелял своё, а всё неймётся, всё суёт свой нос в каждую дырку.

Сашок так и не поел картошки. Чуть бабушка, разойдясь в своей обиде на полковника, зазевалась, он юркнул в дверь и полетел к Витяю.

«По своим лупить начали, — гудело у Сашка в голове. — В милицию заявлю». И ведь он действительно мог заявить. Он всё мог, этот полковник дед Яков, для которого люди-то были вроде боевых обоек. Государство, убеждал полковник на каждом шагу, растит человека, учит, воспитывает — значит, закладывает в обойму патроны. И одни люди, по Рогову, били точно в цель. Другие лишь на спусковой крючок нажимали. А некоторые и по своим лупили. И теперь вышло, что по своим — это как раз и есть Сашок с Витяем.

Но ведь неправда это. Неправда! Ничего они не по своим. Они по-хорошему у него просили. А у него знай одно — как ты обойму набиваешь, да какие книжки читаешь? Ему вон даже «Три мушкетёра» уже не та книжка. А сам только и знает, что поплавками да удочками забавляется. Ему так всё можно.

Полковничьи удочки и крючки, поплавки и блёсны были и впрямь на зависть всем окрестным мальчишкам. Человеком Яков Трофимович Рогов слыл одиноким и угрюмым. Жену, сказывали, похоронил лет десять назад, перед самым выходом в отставку. Единственного сына, Петра, потерял в начале войны. Выйдя на пенсию и не зная, куда податься, он приехал взглянуть на места, где погиб его сын, да так тут и остался. То ли здешние места приглянулись, то ли река, то ли домишко, который достался ему по дешёвке.

Ну, поплавки — они и есть поплавки. Никакого в них особенного интереса. И хотя у полковника они были и из гусиных перьев, и из пробок, и из особого тростника — куги, и из сосновой коры, и из пенопласта, и даже из иглы дикобраза, вполне можно сдержаться и сделать вид, что тебе ни к чему все эти яркие безделушки.

А тут двумя спиннингами и на одну блесну! Это тебе не поплавки! Такого в здешних местах ещё не видавали. На один-то спиннинг дед Яков и раньше ловил. Ходил себе по берегу и закидывал. И одно-ручным спиннингом закидывал, и двуручным, и с обычной катушкой, и с какой-то хитрой, безынерционной. А тут Сашок с Витяем как выскочили к реке, так и застыли с раскрытыми от быстрого бега ртами.

Положив рядом сучкастую палку с собачьей мордой, на раскладном парусиновом

стульчике сидел с коротким чёрным спиннингом дед Яков и крутил катушку. А на другой стороне реки, как раз напротив, с точно таким же спиннингом сидел на траве хромой колхозный сторож Ларион и тоже крутил катушку. Деревяшка бутылкой, что была у Лариона вместо правой ноги,

грех, словили на глазах у потрясённых Сашка с Витяем здоровенную щуку.

В тот момент, когда щука дёрнула, крутил Ларион. И оба спиннинга, как по команде, дугой изогнулись к воде.

— Отпускай! — закричал полковник дед Яков, вскакивая с парусинового стульчи-

целила пяткой-горлышком прямо в полковника. Они крутили напеременки. Сначала один, потом другой. И под водой между ними туда-обратно сновала блесна.

Если бы ещё полковник дед Яков со сторожем Ларионом в тот раз ничего не словили, то куда ни шло. Но они, как на

ка. — Отпускай, Ларион Тунянин!

Полковник дед Яков всегда и всех, начиная от председателя колхоза и кончая самым сопливым мальчишкой, величал не иначе как полным именем и по фамилии. Он никогда не повышал голос и не менялся в лице. Его крупное красное ли-

цо всегда носило на себе печать спокойного недовольства — читал ли он лекцию в школе, смотрел ли самый развесёлый спектакль в клубе, или выговаривал во время уборки урожая бабам в поле. А самым грозным ругательством у него было слово «тринитротолуол», что, как выяснил у отца Сашок, означало сильное взрывчатое вещество.

— Отпускай! — почти совсем не изменившись в лице, закричал своим обычным начальственным голосом полковник дед Яков. — Да не крути ты, отпускай, тринитротолуол!

— Отпускай! Отпускай! — влетев по колено в воду и не зная, чем ещё можно помочь, завопили Сашок с Витяем. — Отпускай, тебе говорят, Ларион! Деда Яков сам вытянет! Отпускай!

Однако отпустить то, что попало на крючок, было не в характере хромого Лариона. Кроме того, по причине преклонного возраста слухом он не хвастал. И вообще Ларион согласился на эту «срамную» ловлю лишь после обещания полковника поставить «маленькую». За «маленькую» Ларион мог ловить рыбу чем угодно, хоть собственными штанами. Но уж коли ловить, то ловить по-честному, а не отпускать.

— Отпускай! — начиная бледнеть, кричал полковник дед Яков. — Отпускай, тринитро-тебя-толуол!

— Отпускай! — хором вопили Сашок с Витяем.

Зелёная леска с шипением

резала воду и звенела струной. Неожиданно она ослабла. Щука выпрыгнула из воды, сверкнула в воздухе белым животом и снова исчезла.

Увидев живую щуку, Сашок с Витяем не сдержались и в чём есть, в трусах и майках, замахали сажёнками к противоположному берегу.

И то ли Ларион услышал ребят, то ли наконец сам сообразил что к чему, но не успели они доплыть и до середины реки, как полковник дед Яков уже подцепил щуку большим сачком.

Щука оказалась солидной, килограмма на два. Она тяжело раскрывала зубастую пасть и, на минуту затихнув, яростно прыгада по траве. Сашок с Витяем уселись сторожить её, а дед Яков, перекурив, крикнул Лариону Тунянину, что можно начинать, и они вновь принялись гонять блесну.

— Хорошо, Витяй, не сорвалась она, — сказал Сашок, поглядывая на деда Якова. — С этим Ларионом она в два счёта могла сорваться. Ему кричат «отпускай!», а он всё равно тянет. Мы бы с тобой так сразу бы отпустили. Правда? Как бы она дёрнула, так бы сразу и отпустили.

— Конечно бы, сразу, — подхватил Витяй и тоже уставился на деда Якова. — Чего нам её тянуть, когда дедушка Яков специалист, как их вытягивать? И сачок у него. Мы бы враз её с тобой отпустили.

— И крутить мы знаем как, — с прерывистым, каким-то даже судорожным вздохом

выговорил Сашок, не сводя взгляда с деда.

Они поговорили о том, что крутить катушку — это вовсе никакой хитрости, нужно только осторожно, чтобы не сломать. Всесторонне обсудили недостатки Лариона Тунянина. Заметили, что Ларион, наверное, давно устал и его не худо бы подменить.

Но дед Яков не реагировал. Он молча вертел катушку и иногда вытаскивал блесну, чтобы очистить её от водорослей. Щука больше не брала. На реке поднялся ветерок, взрыбил синюю волну. Зашуршали, кланяясь, камыши у берега. Где-то далеко в поле тарахтел и урчал трактор. Стрекотали в траве кузнечики. И монотонно повизгивала и повизгивала спиннинговая катушка.

— Деда Яков, — сдался наконец Сашок, — а деда Яков, можно мы вместо Лариона чуточку покрутим? Мы не сломаем, честное слово.

— Честное пионерское, — протяжно поддержал друга Витяй.

— Нет, — сказал полковник. — Это вам не игрушка. И чего вы вообще тут около меня пристроились? Марш отсюда! Ты, Виктор Пономарёв, математикой бы лучше занялся. Забыл, что у тебя в году по математике? Еле в пятый класс перевели. А ты, Александр Киселёв, если ты ему друг, помог бы человеку, чем без толку на речке толочься. Марш отсюда, я сказал!

Когда Сашок с Витяем кричали глухому Лариону и даже

бросились плыть к нему, полковник молчал. И когда щука билась и они её сторожили, тоже молчал. А тут сразу — марш!

Обиженно поднявшись, Сашок с Витяем потоптались около уснувшей щуки и, почему-то стыдясь друг друга, отошли к старой иве. Под деревом сели спина к спине.

— Математика, — проворчал Витяй. — Жадюга он, а не математика. Вот кто хошь буду, ничего он больше не словит. И так ему и нужно, зануде.

Полковник и впрямь ничего больше не поймал. Кликнул Лариона, чтобы тот переправлялся на лодке обратно, разобрал и уложил в зелёный парусиновый чехол спиннинги и ушёл. Короткие чёрные удилища, оказалось, ещё развёртывались на две половинки. Для каждой половинки имелся свой карман в чехле. И ещё по кармашку для катушек с блёснами. Кармашки в чехле Сашок с Витяем исследовали, сидя ещё подле щуки. Только не смогли понять, для чего их столько. Но от ивы, хоть и издали, они рассмотрели, для чего.

Больше недели после того Сашок с Витяем ходили за полковником дедом Яковом на реку, носили за ним парусиновый стульчик, подавали ему в нужный момент подсак, кричали Лариону, когда тянуть и когда отпускать, и всячески доказывали, что они справились бы с делом в сто раз лучше хромого сторожа. Однако кро-

ме обычных поучений, что нужно больше заниматься и читать, что нужно постоянно пополнять свою обойму, они так ничего от деда и не добились.

Потом дед Яков прихворнул и перестал ходить на речку. И вот тогда-то Витяю и стукнула идея.

— Всё равно он, жадина, не даст нам своими спиннингами половить, — сказал Витяй. — А я знаю, где у него лежит этот самый чехол со спиннингами.

— Ты что, сдурел? — испугался Сашок.

— Да мы же половить только, — пояснил Витяй. — Он и не заметит ничего. Половим и сразу обратно положим. Хвост же он, так и не пойдёт рыбалить. А спиннинги у него в сараюхе, за домом, где и вёсла.

План разработали такой. Витяй лезет через огороды и сад в сараюху. А Сашок, чтобы полковник в это время не надумал вдруг выйти из дому, занимает его разговорами. В случае тревоги запекает песню.

— Какая твоя любимая песня? — спросил Витяй.

— Ну, — подумал Сашок. — Ну... эта... «Ох, рано встаёт охрана!»

— Пойдёт, — определил Витяй. — Как раз, что нужно. Только громче пой.

До полковничьей избы Сашок добирался так, будто его волокли на казнь. И сердце у него бухало где-то совсем не на месте — то в животе, то в горле.

— Здравствуйте, деда

Яков, — пролепетал Сашок, заглядывая с улицы в низкое окошко.

Полковник в белой нижней рубаше и с накинутым на плечи байковым одеялом в крупную зелёную клетку сидел у стола и что-то обтачивал напильником. Какую-то деревяшку.

— А говорят, вы приболели, — выдохнул Сашок. — Это вы чего делаете? Мы с Витяем каждый день на речку ходим, а вас всё нету.

— Вот и очень плохо, что вы не выходите с речки, — отозвался дед Яков. — В обойме-то пусто, а вы на речке. Слабенький из тебя в жизни боец получится, Александр Киселёв, нечем тебе будет стрелять. Ты хоть увлекаешься чем-нибудь, к чему-нибудь стремишься?

Сашок и вправду ничем не увлекался, ни к чему не стремился. Жил себе и жил. И лишь удивлялся, отчего некоторые старики бывают такие нудные и не устают талдычить об одном и том же. И чего деду сдалась эта обойма? Вовсе люди не для того, чтобы стрелять. А про сына Петра Сашку даже иногда казалось, что дед нарочно его придумал. Зачем про то твердить, чего давно нету?

— Мой Пётр в твоём возрасте, — сказал дед, — и читал запоем, и марки собирал, и планеры строил. Лётчиком всё мечтал стать. И знаю, стал бы, кабы не война. Волосы у него как у тебя были, такие же пшеничные. И ведь подумать, всего на шесть лет старше тебя

был. И уже успел до помощника командира взвода дослужиться, за нашу Советскую Родину повоевать и погибнуть. А ты? Сколько вот ты книжек за лето прочёл? Небось ни в одну и не заглянул?

— Я сейчас «Три мушкетёра» читаю, — просопел Сашок. — Уже до сто сорок восьмой страницы дочитал.

— Эко! — возмутился дед Яков, откладывая напильник. — Не про тех ты, Алек-

сандр Киселёв, читаешь. Мушкетёры! Да эта петушиная королевская гвардия лишь на дуэлях за красивые дамские глазки умела царапаться. А настоящего боя твои мушкетёры никогда и не нюхали. Ты о римских легионерах что-нибудь читал? Или о спартанцах? Вот те действительно умели воевать. Знаешь, как римляне определяли, героем легионер пал или трусом? По ране. Если рана в грудь — герой, смерть лицом принял. И у русских воинов так издревле велось. Русские ещё после побоища и по колчанам смотрели. Коли колчан у погибшего пустой — значит, герой, бился до последней стрелы. У нас на фронте тоже бывало. Хороним после боя — у иного из под-сумка одна обойма взята, та, что в винтовке. А у другого — пусто. До последнего патрона, выходит, человек дрался.

Вновь соскользнув на свою любимую тему про обойму, дед Яков заходил по горнице и, словно забыв про торчащего в окне Сашка, начал ругать порядки в колхозе — и на работу-то, дескать, колхозники выходят поздно, и многие вообще неделями не появляются в поле, и тракторы-то простаивают, и на станции мокнут под открытым небом минеральные удобрения.

Валенки на ногах у деда Якова мягко вытапывали по половицам. Концы свисающего с плеч одеяла развевались, как полы боевого плаща.

Но неожиданно дед повернул к двери, и у Сашка от

страха враз перехватило дыхание. Нужно было подавать сигнал Витяю, петь. А Сашок напрочь забыл все слова песни. Помнил лишь одну строчку.

— Ох рано! — взвыл Сашок, тараща глаза на потолок. — Встаёт охрана!

— Ты чего? — сердито обернулся к нему дед Яков.

— Песня, — пролепетал Сашок. — Песня такая есть, деда Яков. Моя любимая.

У двери стояло ведро на лавке. Дед черпнул кружкой воды, напился, плеснул остатки из кружки на пол.

— Ступай ' отсюда, — сказал он. — Уходи. Всё равно впустую для тебя мои слова.

Придерживая на плечах одеяло, дед протянул руку в окно, с треском захлопнул перед носом Сашка одну и вторую створку.

Сашок ещё немного покараулил под закрытым окном на завалинке и, решив, что времени у Витяи было вполне достаточно, кинулся к реке. Встречу они назначили у старого моста, чтобы в случае удачи сразу, не откладывая, и половить дедовыми спиннингами.

Примчавшись к мосту, Сашок застал друга у стога сена. Витяй сидел, обняв поцарапанные коленки и вытянув на них подбородок.

— Ты чего? — удивился Сашок, не увидев чехла со спиннингами.

— Порядок, — важно ответил Витяй и скосил глаза на сено. — Здесь. Да вон, видишь?

Витяй смотрел на мост. У низкого полуразрушенного моста, настил которого тут и там зиял дырами, полоскала бельё тётка Полина. А на самом мосту сидел хромой сторож Ларион с удочкой.

— Так в другое место давай, — нетерпеливо дёрнулся Сашок.

— Нету другого места. Я всюду обегал. Всё равно на кого-нибудь напоремся. Нужно завтра с раннего утра идти, на зорьке. И подальше от села.

Они уговорились идти до рассвета. И Витяй должен был разбудить Сашку, стукнуть к нему в окошко.

Но он почему-то не стукнул.

— Деда Яков к тебе не приходил? — удрав теперь от ба-

бушки с её завтраком, ворвался к другу Сашок. — Ты почему мне не стукнул?

— Почему, почему... Вон почему, — махнул рукой Витяй в сторону маленькой сестрёнки. — Понос у Нюшки объявился. В ясли её не пускают, вот мамка и оставила меня с ней.

У печки сидела на горшке Витяина сестрёнка Нюшка и, пуская пузыри, гукала и с аппетитом сосала сразу три пальца.

— Ей есть ничего нельзя, — пояснил Витяй, — а она всё в рот тянет. Вот и смотри тут за ней!

Узнав про посещение полковника, Витяй насупился:

— Кто это ему сказал, что мы?

— Да разве важно, кто? — суматошно шептал Сашок. — Отнести ему нужно скорее его спиннинги, и всё. Видал, он чего! В милицию, говорит. По своим, говорит, лупить начали.

— Вот и попадёшь как раз в милицию, если отнесёшь, — заметил Витяй. — Он же на пушку берёт. У него никаких доказательств нету. Что же, мы сами ему теперь понесём в ручки доказательства, да?

— Так мы объясним, что просто половить взяли.

— Половить. Поверил он тебе, держи карман.

Они громким шёпотом совещались за цветастой ситцевой занавеской, отделявшей от горницы закуток с кроватью. На бревенчатой стене стучали ходики с весёлой кошачьей мордой. Глаза у кошки метались из стороны в сторону в такт с качками маятника. А у печи, нагнувшись на горшке, возила пухлой ладошкой по грязному полу Нюшка.

— Запрячем, — сказал Витяй. — И ничего не знаем. Не брали, и точка.

— А как найдут?

— У нас не найдут. Так запрячем, с собаками не сыщут. Вон в лесок за студёным ручьём, где мы ещё с тобой ствол пулемётный нашли и два осколка. Там самое надёжное будет.

Лесок за студёным ручьём, о котором вспомнил Витяй, находился километрах в двух от села. Когда-то густой и тенистый, он сильно пострадал во

время войны. Поглубже, к болотам, ещё сохранились вековые ели и замшелые берёзы. А здесь по мягко оплывшим вмятинам бывших окопов, блиндажей и воронок от разрывов снарядов теперь в основном тянулась к солнцу лишь молодая поросль.

— Бежим, — сказал Витяй.

— А Нюшка твоя как?

— Одна немного побудет, ничего с ней не сделается.

Подхватив сестрёнку с горшка, Витяй сунул её в кроватьку с высокими бортами. Однако Нюшка так отчаянно заголосила, что пришлось поспешно вытащить её обратно.

— Во холера, — растерянно проговорил Витяй, прижимая её к себе. — Привыкла, понимаешь, на горшке рассиживаться.

— Так пускай и сидит на горшке, — посоветовал Сашок. — Чего тебе, жалко?

На горшке Нюшка вмиг успокоилась. И друзья, прихватив чехол со спиннингами, кинулись из дому.

Обогнув колхозный свинарник, они промчались через ржаное поле, влетели в лесок. Остановились у неглубокой рытвины, над которой шелестела листвою берёза. Огляделись. С края густо заросшей травой рытвины торчали концы нетолстых полусгнивших ольшин. В траве стояли ромашки да краснела земляника.

— Здесь давай, — шепнул Витяй.

Ухватившись за спил трухлявой ольхи, они отвалили её. В открывшуюся щель ударил

луч солнца. Ниже была пуста. И золотистый песок. На песке, обхватывая истлевшую солдатскую гимнастёрку, лежал широкий застёгнутый ремень с раскрытым подсушком.

— Пустой... подсушок-то, — еле слышно прошептал Сашок. — Гляди, Вить, пустой.

— Ага, Саш, пустой, — так же, почти беззвучно, отозвался Витяй, лёжа рядом с другом на животе и боясь шелухнуться.

Золотистый песок присыпал распolzшуюся гимнастёрку, набился в подсушок. Приглядевшись, ребята заметили чуть подальше, в тени, торчащий из песка смятый алюминиевый котелок.

Сашок подцепил его за дужку концом зачехлённого спиннинга, вытащил на поверхность. Высыпав из котелка песок, прочли выбитое на нём неровными точками: «П. Рогов».

— Вить, — уставился на друга Сашок. — Вить, это же его сына котелок, сына нашего полковника.

Следующие несколько ольшин, крепко сцеплённых дёрном, Сашок с Витяем отворачивали с такой поспешностью, словно ещё надеялись помочь тому, кого здесь засыпало взрывом тридцать лет назад.

Но то, что открылось в ярком солнечном свете на дне песчаной ямы, заставило мальчишек в страхе попятиться.

На песке во весь рост лежали останки красноармейца. Сапоги. Застёгнутая на все пуговицы гимнастёрка. Рядом рыжая от ржавчины винтовка с четырёхгранным штыком. Изпод каски выбивалась прядь пшеничных волос. И смотрели в небо огромные пустые глазницы.

Перед Сашком, когда он в ужасе бежал из леса, так и остались эти два пустых круглых отверстия и пшеничная прядь волос.

— Деда Яков, деда Яков, — бормотал сухими губами Сашок, ворвавшись в избу полковника и тыча в сторону леса спиннингами в чехле. — Там за студёным ручьём... В яме...

— Скорее, деда, — дёргал старика за рукав кителя Витяй. — Скорее. Мы спиннинги только половить взяли. Но мы и не ловили. Скорее. И подсушок у него пустой. У вашего сына. Скорее...

А там, в молоденьком лесу, над потревоженной могилой бойца шумела листвой белоствольная красавица берёза и, точно капельки крови, краснела в траве ягода земляника.

ПИСАТЕЛЮ Валерию Воскобойникову очень доверяют ребята. Очевидно, он — верный человек, если ему можно доверить свои самые сокровенные секреты, признаться в собственных ошибках или даже дать почитать собственный дневник. Во всяком случае, когда читаешь его повести «Два осенних месяца», «Тетрадь в красной обложке», «Портрет Кати Е.», чувствуешь, что молодой ленинградский писатель дружит с ребятами по-настоящему.

И с «Искоркой» он дружит давно. Те ребята, которые читали на страницах нашего журнала рассказы В. Воскобойникова «Рыжий», «Белые грибы», уже, наверное, школу окончили, а для вас — сегодняшних школьников — писатель принёс в журнал отрывки из новой повести.

Раньше герои рассказов и повестей В. Воскобойникова жили в основном в большом городе или в лагере неподалёку, или на даче. А тут школьник Иван Нозодоев едет в далёкий северный город Удорму. Там у него мама работает. А папа как раз отпуск получил — вот они и поехали.

Очень им на севере обрадовались. Во-первых, живёт там народ гостеприимный, а во-вторых, у папы — руки золотые. Бесценные рабочие руки. Папа отдохнуть приехал, а его то на полярную станцию зовут движок починить, то в посёлок... Всюду он очень необходим. Ну и сын за ним следом.

Вот три главы этой будущей книжки писателя Валерия Воскобойникова мы и предлагаем вам прочесть.

В. ВОСКОБОЙНИКОВ

Рисунки Г. Ясинского

ЗНАМЕНИТАЯ ИСТОРИЯ С БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ

С трёх сторон вокруг Удормы — океан. С четвёртой стороны — гора. Дома и улицы, прохожие и машины — стоят на горе, спускаются с горы, поднимаются в гору. Можно забраться на самый верх, туда, где радиометеоцентр, где метеорологи изучают погоду, а радисты передают сводки в Москву для всей страны.

Можно забраться туда, наверх, с санками по улице имени вездеходчика Галецкого. А потом можно пронестись на санках вниз через всю Удорму. Крошки снега в лицо и ветер выбивают из глаз слезу. Ты несёшься на санках вниз и пересекаешь улицы. Арктическую улицу — это на ней Дом культуры. Улицу Африканской жары — на ней Мерзлотная станция, магазины и школа. Улицу Ленина — главную улицу Удормы. Улицу Океанскую. И там, на этой улице, ты врежешься в сугроб, свалишься с санок лицом в снег, засмеёшься, отряхнёшься и снова полезешь наверх.

Многие взрослые ругают таких катальщиков, просят быть осторожнее на перекрёстках — можно врезаться в прохожего человека, а ещё страшнее — въехать под вездеход.

Но в воскресенье вездеходы почти не ходят, и катальщиков больше. В гору трудно подняться. На горе всегда сильные ветры, и редко кто скатывается с неё больше двух раз в день.

Иван увидел Олю. Оля везла санки. Тяжёлые деревянные санки с большим чернильным штампом «Интернат». Оля была в белой мохнатой шапке из шкуры песца.

— Я видел здесь человека, он на нартах ехал, — сказал Иван.

— У меня дома тоже есть нарты.

— Сама их возишь?

— Почему сама? — удивилась Оля. — Собаки. Я на собаках езжу.

— Правда? — не поверил Иван.

— У нас в Маре у каждого нарты есть. И собаки.

— И запрягать ты умеешь?

— Конечно. У нас все умеют. Прилетел бы к нам в каникулы, я б тебя покатала.

Иван и Оля пошли на гору, наверх.

— Сейчас вездеходов нет, — сказала Оля, — скатиться можно... Ты в метро ездил у себя дома? — спросила потом она.

— Конечно! — удивился Иван.

— Под землёй?

— А как же! Правда, теперь иногда поезд и наверх выходит, а больше внизу, под землёй.

— Мне когда первый раз мама рассказала, я не поверила. Некоторые девочки до сих пор не верят.

Крепкие тяжёлые санки было трудно тащить наверх. Иван тянул их вместе с Олей, даже руки заболели.

Наконец они влезли наверх. Рядом стояли дома радиометеоцентра, а вниз тянулась улица имени вездеходчика Галецкого. По улице, сбоку, шли редкие прохожие.

— А мы не налетим? — спросил Иван.

— Я ещё ни разу не налетала. Мы же рулить будем.

Оля села вперёд. Она знала, где ехать. Иван сел сзади. Ноги они свесили к снегу, чтобы затормозить, если надо.

Они помчались с горы, и было страшно и весело. Иван даже песню попробовал закричать. И вот они пересекли улицу Арктическую, и улицу Африканской жары, и вот они дальше несутся вниз. И вдруг видят — навстречу им бегут люди, оглядываются, что-то кричат.

— Ответь! — кричали бегущие люди кому-то. — Ответь!

Оля сразу затормозила одной ногой. Иван тоже затормозил. Санки повернулись и влетели вправо, в сугроб. Но Оля с Иваном даже не упали, удержались на санках.

А люди бежали к ним, человек шесть или десять, оглядывались и продолжали кричать:

— Ответь! Ответь!

— Медведь! — обрадовалась Оля.

— Где? — удивился Иван.

— Вон! Вон — медведь.

И точно: по улице Ленина шёл живой, настоящий, огромный, дикий белый медведь. Шкура на нём свалилась и была не такая уж белая. Он шёл медленно, мотая головой, занятый своими медвежьими мыслями. Он никого не трогал, никого не слышал, ни на кого не смотрел. Он спокойно повернул с улицы Ленина на улицу вездеходчика Галецкого и стал подниматься в гору к радиометеоцентру.

Люди не приближались к нему близко, а бежали на расстоянии. Все смеялись и показывали на медведя друг другу.

Оля оставила санки, потому что всё равно на них стоял штамп «Интернат» и никто бы их не стянул. Они с Иваном тоже побежали позади медведя.

— Убить его надо! — крикнул кто-то.

— Нельзя! Медведей нельзя убивать, — ответили ему несколько человек. — Раз не нападает — значит, нельзя.

Медведь не спеша поднялся в гору, подошёл к высоченной радиомачте, понюхал её, почесался боком, походил между двухэтажных домов, где жили и работали радисты с метеорологами. Потоптался на месте и лёг спать у самого входа в детский сад.

Из окон детского сада выглядывали взволнованная заведующая, воспитательницы, медсестра. Детей к окнам не подпускали.

— А вдруг он выроет берлогу под дверью и будет всю зиму спать до весны? — смеялись люди.

— А дети как же?

— Надо в милицию позвонить, Лейдману. Лейдман пусть разберётся!

Позвонили Лейдману. Так и сказали ему:

— Товарищ главный милиционер. Это говорят из детского сада, заведующая. Нам надо выводить детей на прогулку, а у нас у входа белый медведь спит.

— Медведя не трогать, сейчас прибегу! — закричал в телефон Лейдман.

Говорят, что он сначала схватился за пистолет. Но потом вспомнил, что медведей убивать нельзя, их надо беречь, их осталось немного. Тогда он побежал домой, а жил он рядом с милицией, и взял дома у жены огромный цинковый таз-ванночку для купания своего трёх-летнего сына. Ещё взял он у жены круглую деревянную палку-скалку, которой жена всегда раскатывала тесто. И в своей милицейской форме, с цинковой ванночкой, с круглой палкой он помчался наверх, в гору, в радиометеоцентр. Он ещё успел позвонить, чтобы все свободные от работы радисты и метеорологи вышли из домов с гремющими и грохочущими предметами.

Медведь спокойно спал под дверью, закрыв передними лапами нос и глаза.

А вокруг собралось много людей со свистками, с кастрюлями, с железными ложками.

Иван хотел подойти близко к медведю, но Оля схватила его за руку и не пускала.

— Вдруг притворяется, а потом как вскочит!

Прибежал Лейдман.

— Все в одну линию! — скомандовал он. — Будем гнать медведя в сторону льдов, в океан. Два человека с ружьями на середину, двое по краям!

Четверо людей зарядили ружья и встали на изготовку. Остальные выстроились в одну линию. Вперёд вышел Лейдман с ванночкой в одной руке и со скалкой — в другой.

— Бум! — ударил он почти в самое ухо медведю. — Бум! Бум! Бум!

— Ура! Ого-го-го! Тра-ля-ля! — закричали все, захлопали, загрохотали, засвистели.

Иван тоже закричал изо всех сил.

Медведь спал, не слышал.

— Совсем старый медведь, — сказал человек рядом с Иваном, — глухой, наверно.

— Бум! Бум! Бум! — грохотал Лейдман по цинковому тазу.

Наконец медведь встрепенулся, поднял голову, вскочил.

И так он испугался спросонья этого грохота, свиста и криков, что вместо того чтобы убежать на льды в океан, куда его гнали, он убежал в дом напротив. Он спрятал в том доме голову под лестницу. А спина и зад — широкие, как у автобуса, — торчали наружу.

— Что же с ним делать? Придётся убить, — говорили люди.

— Нет-нет, нельзя его убивать! — настаивал Лейдман. — Медведя надо сохранить для народа.

И тут наверху через лестничное окно все увидели женщину. Она вышла из верхней квартиры с тазом в руке.

Спина медведя по-прежнему торчала из-под лестницы.

Женщина прицелилась тазом в медвежью спину и сбросила таз вниз. Таз прогрохотал по медвежьей спине. Медведь окончательно перепугался и выскочил из дома.

— Дорогу медведю! — закричали все.

Люди опять засвистели, загрохотали, запрыгали. Медведь нёсся вниз, смешно подкидывая зад, зарываясь в сугробы.

— Давай! Давай! — кричали ему. — Удирай!

Люди долго ещё не могли успокоиться. Даже когда медведь скрылся во льдах.

— Теперь уж он ни за что не придёт ни в один посёлок. И людей будет обходить!

— Ничего, зато будет жить долго!

Люди расходились. Иван пошёл вместе с Олей вниз. Они нашли санки и отвезли к интернату.

А потом Иван пошёл к себе на Мерзлотную станцию и рассказывал о медведе весь вечер, несколько раз подряд, потому что никто на станции, кроме него, медведя не видел.

Даже корреспондент, который пришёл к ним в гости, внимательно выслушал Ивана и записал всю историю в свою записную книжку.

В десять часов вечера, когда в кают-компани все смотрели фильм «Мёртвый сезон», радистка Чувикова сказала:

— Есть радиограмма: «Готовиться к выходу. В шесть утра-запросить „добро“».

Все сразу пошли собирать вещи.

Доктор — чемоданчик.

Павла Прокопьевна — мешок с пушниной.

Мама — свой рюкзак с пробами грунта и полевыми журналами.

Корреспондент — свой рюкзак, в котором неизвестно что было набито.

Даже у Ивана появился свёрток — краски и кисточки. Иван решил подарить их Оле.

И ещё Василий Андреевич подарил им по красивой нерпичьей шкуре.

Быстро легли спать.

Иван спал, как и все эти ночи, на кожаном диване в кают-компани. Ночью к дивану несколько раз подходил Мальчиш. Он нюхал лицо Ивана, чуть касаясь мокрым своим носом, а один раз лизнул Ивана в щёку.

Рано утром всех разбудила повар Мария Ивановна.

— Подъём, гости! Подъём! — шумела она. — Не залёживаться!

Чай уже был готов. И котлеты из оленины с макаронами. И тёплые пирожки в дорогу.

Потом все стали одеваться, прощаться.

Начальник благодарил Виктора Павловича за ремонт, а Василий Андреевич даже обнял его и поцеловал.

— Спасибо, спасибо вам, — отвечал Виктор Павлович, улыбаясь, только завод у меня. Я и то думаю: как они там? Переживаю.

Вездеходы двинулись один за другим. Иван снова сидел в кресле рядом с водителем и смотрел вперёд. Теперь они шли первыми. Второй вездеход был где-то сзади.

Они долго ехали. Потом Иван заснул. Когда он проснулся, они почему-то ехали назад, пятились. За окном не было видно ничего, кроме снега, который закручивался ветром.

— Что-то у них случилось, надо подмогнуть, — сказал пожилой водитель.

Вездеход развернулся и пошёл навстречу второму, отставшему.

Второй вездеход стоял под бугром скособочившись. Около него ходили, переминались люди. Этот второй вездеход, оказывается, шёл не точно по следу первого и попал в глубокий рыхлый снег. Гусеницы буксовали, вездеход зарывался в сугроб.

— Ваня, — сказал отец, — пусти-ка, голубчик, я пойду помогать.

Теперь Иван узнал, зачем у каждого вездехода к борту прикреплено длинное бревно.

Виктор Павлович, доктор и корреспондент подложили это бревно под гусеницу застрявшего вездехода, и вездеход наконец дёрнулся вперёд, пошёл, ярко освещая фарами снег и стоящих сбоку людей.

Виктор Павлович влез в кабину и принёс с собой холод.

Теперь они ехали медленно.

— Весь след замело, — жаловался водитель, — а на этих километрах пяти-шести нам со следа нельзя сбиваться. Дальше будет речка, и она плохо промерзает.

Снег летел на окна из темноты сплошной стеной. Сразу, как только чуть стихал двигатель, становился слышен дикий, тоскливый вой ветра.

Скоро они остановились совсем. Водитель, ни слова не говоря, спрыгнул вниз и, пригибаясь, пошел ко второму вездеходу.

— Попали мы в пургу, — сказала мама. — Ну, ничего. Водитель у нас опытный, людей много, выберемся двумя вездеходами.

Ветер выл не переставая, механические дворники не успевали сдвигать снег со стекла кабины.

— Я за Ваню переживаю, нам-то не привыкать, — отозвался Виктор Павлович.

Вернулся назад водитель. Он захлопнул дверь, помолчал, а потом заговорил:

— Там у нас было такое совещание: можно вернуться назад, а можно идти на Удорму. Половину дороги мы прошли. Сейчас здесь самые трудные пять-шесть километров. Дальше мы спустимся на лёд и пойдём под скалами. Там лёд на море крепкий. Если пойдём на Удорму, мужчинам придётся по очереди идти перед вездеходом, искать старый след. Так, как вы: поворачивать или вперёд?

— Вперёд, — сказали и отец и мама вместе.

— Там решили так же, — сказал водитель.

Он достал ракетницу, которая висела под потолком, зарядил её, приоткрыл дверь и выстрелил. Ракета была зелёной.

— Мы там решили, что первым пойдёт доктор.

И вот доктор пошёл впереди вездехода Ивана, он шёл, сгибаясь от ветра, а вездеход светил фарами ему в спину. Они двигались медленно. Несколько раз доктор падал, поднимался, шёл дальше, проваливаясь. Потом он стал падать всё чаще.

— Устал, я его сменю, — сказал Виктор Павлович.

Иван пересел из кресла на лавку, рядом с мамой. Виктор Павлович спрыгнул вниз, на снег. А доктор сел в Иваново кресло. Теперь было видно, как он устал, идя впереди вездехода и выглядывая след. Он дышал тяжело, с хрипом.

Теперь впереди шёл Виктор Павлович, проваливаясь, оступаясь, падая, поднимаясь. Следом медленно ехал вездеход. И где-то близко за первым двигался второй. Заднее окно в кузове забило снегом, и через него ничего не было видно.

— Мы договорились, если что у них случится, — сказал водитель, — они сразу просигналят красными ракетами.

Виктор Павлович шёл долго. Потом его сменил корреспондент. Корреспондента сменил доктор.

Доктор прошёл немного, упал, поднялся, снова упал. Шатаясь, встал.

— Плохо ему, — сказал Виктор Павлович, — нельзя его больше выпускать, придётся нам вдвоём с вами. — Он повернулся к корреспонденту, который тоже сидел теперь в вездеходе напротив Ивана.

Виктор Павлович спрыгнул вниз, сгибаясь от ветра, подошёл к пожилому доктору, подвёл его к кабине, посадил.

— Сейчас я отдышусь, сейчас, — успокаивал доктор. — Ветер совсем стал бешеный, — сказал он, сдирая лёд с бровей и ресниц.

Перед вездеходом снова шёл Виктор Павлович, потом корреспондент. Потом снова Виктор Павлович. А корреспондент сдира льдинки с бороды и с усов:

— Сразу заледенели.

Потом он снова сменил Виктора Павловича. А потом и он выбился из сил. Вставал и падал через каждые несколько метров. Снова пошёл Виктор Павлович. Он тоже иногда падал, но поднимался и двигался вперёд, показывая след.

Несколько раз он останавливался, отдыхал, прислонившись к вставшему вездеходу, потом отталкивался и опять шёл.

— Давайте, я пойду, — сказала мама.

— Нельзя, — ответил водитель, — кому-то надо быть со свежими силами. А муж у вас железный. На таких жилистых мир и держится.

Они ещё проехали немного, и водитель спросил маму:

— Вездеходом управлять умеете?

— Умею. Правда, в прошлую зиму не ездила...

— Если метров через сто — сто пятьдесят до речки не дойдём, я вашего мужа сменю, а вы сядете сюда.

Все молчали и смотрели вперёд, сквозь стекло. Там, впереди, шатаясь в стене снега, двигалась фигура Виктора Павловича, смешного лысого человечка, который в кармане носил тубетейку.

Вдруг Виктор Павлович остановился, повернулся к нам лицом, махнул над головой руками, потом сел в снег.

— Ну, кажется, приехали, — сказал водитель.

Он выпрыгнул из кабины, подошёл к Виктору Павловичу. Виктор Павлович поднялся. В кабину он сам залезть уже не смог, его подсаживал водитель.

Водитель ещё походил немного, осмотрел место.

— Точно вышли, — сказал он, вернувшись в кабину, — к самым камушкам. Их, правда, снегом засыпало. Как вы след-то чувствовали? — повернулся он к Виктору Павловичу. — Там же весь след заровняло.

Виктор Павлович молчал, улыбаясь вытирал платком мокрое лицо.

Они переехали речку. Прошли ещё немного.

— Теперь уже без следа пойдём, — сказал водитель, — всё равно к берегу выйдем.

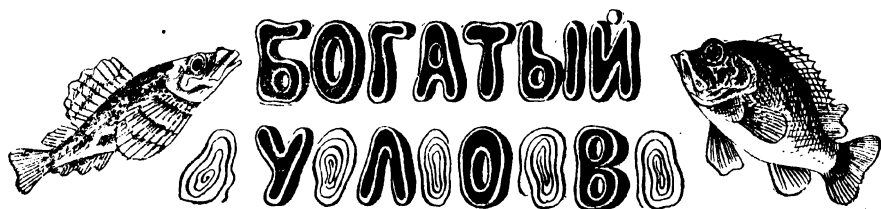
Скоро они спустились вниз, на льды, под скалы. Ветер сразу стал тише. Только снег.

— А с другой стороны мыса, — сказал водитель, — весь лёд, наверное, отогнало от берега ветром. Там чистая вода. Здесь-то лёд хороший.

Они устроили привал. К ним пришли Павла Прокопьевна и водитель второго вездехода. Они ели пирожки, напечённые Марией Ивановой, и пили чай из термосов доктора.

— Бывает и похуже, — говорил водитель. — Сейчас-то мы хорошо выбрались. Но самое главное — надежду не терять, волю. И чтоб хорошие были люди...

В Удорму вездеходы прибыли поздно вечером.
А на следующий день Ивана, маму и отца ждала новая весть.

На полярной станции шла обычная жизнь.

— Мужчины, хотите ухи из свежей рыбы? — спросила повар Мария Ивановна.

— Конечно хотим, — откликнулись все, и даже кот Василий поднял голову.

— Тогда надо наловить.

— Из проруби, из футштока? — обрадовался корреспондент. — Если можно, я буду ловить.

Ивану тоже захотелось пойти поудить рыбу, но он молчал, боялся сказать об этом.

— Снасти в прихожей. Мясо Мария Ивановна даст. Дорогу помните? — спросил Михаил Васильевич Любченко, начальник станции.

— Помню, — сказал корреспондент. Он уже надевал валенки.

Потом корреспондент повернулся вдруг к Ивану:

— Иван, пойдём вместе.

Иван обрадовался и тоже побежал одеваться.

— Только надо маме сказать и отцу.

Отец был в комнате у механика Василия Андреевича. К отцу Иван идти не хотел. Час назад, когда все садились завтракать за огромный стол и Иван тоже сел вместе со взрослыми, отец вдруг отозвал его в коридор и спросил шёпотом:

— Ваня, ты уже помылся?

И хотя Иван в самом деле забыл помыть руки и лицо, почистить зубы, он на отца обиделся. Что он, маленький, что ли, чтобы об этом спрашивать!

— Помылся, — сказал он.

— Ну тогда умойся ещё раз. Нехорошо садиться за стол с грязными руками. Это значит людей не уважать, с которыми сидишь рядом. Иван ещё больше обиделся, но пошёл и умылся.

А теперь он с отцом не хотел разговаривать.

Но разговаривать всё-таки пришлось, потому что мама ушла на побережье отмечать участки, откуда взяты пробы грунта.

— Иди, Ваня, конечно иди, — отозвался отец, когда Иван спросил у него, — мы тут послесарим немного с Василием Андреевичем.

На улице было сумрачно. Белая мгла висела между льдами и небом. И было непонятно, где они соединяются — небо и льды. Махал деревянными крыльями, крутился ветряк.

Они прошли по тропинке вдоль проводов, хрустя снегом на льду. Вошли в будку. В будке было совсем темно.

— Свет забыли включить мы с тобой, — сказал корреспондент. И лампа сразу загорелась. — Вспомнили о нас.

Пока Иван разматывал снасть, корреспондент сачком вычерпывал тонкий лёд в проруби. Потом подвинул маленькие детские скамеечки.

— Это твоя сторона проруби, — сказал он, — а это — моя. Чтобы снасти наши не спутывались.

Он показал Ивану, как насаживать на крючок мясо. Сдвинул поплавок.

— Толщина льда около метра, ещё полметра — на запас. Сделаем глубину полтора метра — хватит, как думаешь?

Иван никогда рыбу из-под льда не ловил и соглашался со всем. Только опустилась снасть в прорубь, прошло секунды две, поплавок ещё не успокоился и сразу повело его вбок, под воду.

— Берёт! — закричал корреспондент. — Секи! Тяни!

Иван дёрнул и почувствовал упругую тяжесть.

— Тяни! Тяни! — радовался корреспондент. — У меня тоже клюёт! — удивился он. — Только бы не коряга.

Это была не коряга. Это была странная рыба. С большой головой. С злобно разинутой пастью. Рыба топорщила колючие плавники-перья. И корреспондент, увидев её, сказал:

— Как раз для ухи. Кидай в кастрюлю. По-моему, это морской бычок.

Кинуть было просто. Только сначала надо было снять этого бычка. А он оттопыривал свои колючки и не давался. Иван больно укололся, всё-таки снял его и бросил в кастрюлю. Корреспондент тоже бросил своего.

— Смотри-ка, у меня и мясо не съедено, — сказал он.

У Ивана крючок был голый, и пришлось насадить новое мясо.

Пока он насаживал, рыбины бились в кастрюле, стучали по дну и по стенкам. Внезапно они перестали биться, скрючились. Иван осторожно потрогал бычка пальцем. Бычок стал твёрдым.

— Замёрз, — подтвердил корреспондент.

Не успели они снова опустить снасти в прорубь, как попались новые рыбины, точно такие же, только у Ивана немного побольше.

— Тут главное — мясо беречь, а то не хватит нам, — сказал корреспондент.

Бычки клевали один за другим. Такие же хищные. Разевали пасть, растопыривали колючки. Иногда попадались другие рыбыны.

— Пожалуй, морские окуни. А эта? Эту я не знаю, — сказал корреспондент об одной. — Может быть, навага.

Как они ни экономили мясо — расходовали по кусочку на три рыбыны, оно всё-таки кончилось.

А кастрюля была неполной.

— Ты посиди один, лови на этот последний кусочек, а я быстро сбегаю, ладно? — сказал корреспондент.

Иван остался один. Он слышал, как проскрипели шаги корреспондента. Потом стало тихо. Только ветер.

Мёрзли пальцы. Рыбу приходилось снимать с крючка голыми руками. Иван уже научился снимать так, чтоб не колоться. Потом он вытирал руки и совал их быстрее в рукавицы. Но тут же снова клевало, и рукавицы приходилось сразу стаскивать.

Скоро Иван услышал шаги. «Во быстро», — удивился он.

Но это был не корреспондент. Кто-то подошёл к будке, остановился рядом, вздохнул, потоптался и затих. Потом снова вздохнул.

Иван старался не дышать. «Вдруг медведь?» — подумал он.

За будкой снова потоптались и затихли.

Иван осторожно встал, взял багорчик, прислонённый к стене. Руки у него слегка дрожали.

Корреспондента всё не было.

«Если медведь и полезет сюда — дам багром по глазам, пока дверь открывает, или в пасть ему засуну...»

За будкой снова затоптались, потом заскулили по-собачьи, гавкнули.

— Мальчиш! — обрадовался Иван. — Мальчиш!

Он приоткрыл дверь, Мальчиш просунул голову в будку и ещё раз гавкнул.

— Мальчиш, иди сюда, садись. Видишь, я рыбу ловлю.

Мальчиш пролез на трёх своих ногах, подгибая остаток передней левой. Он сел около кастрюли, понюхал рыбу, взял одну, ту самую, которая была незнакома корреспонденту. Он её быстро проглотил и больше на кастрюлю не обращал внимания.

Скоро Иван услышал новые громкие шаги.

— Не замёрзли? — спросил корреспондент. — А я тебе Мальчиша послал, чтоб не скучно было.

Они насадили новое мясо, и через минуту новые рыбыны упали в кастрюлю и забились на куче точно таких же, только уже скованных полярным морозом.

К дому они шли втроём. Первым прыгал Мальчиш. За ним Иван нёс полную кастрюлю рыбы. За ними корреспондент нёс снасти.

Рыбу отнесли на кухню, Марии Ивановне.

В час дня, как положено по расписанию, все сели обедать.

Последними пришли Виктор Павлович и Василий Андреевич. Они перебирали двигатель у трактора. Все уже сидели за столом, а они ещё отмывали руки.

За столом хвалили уху:

— Хорошая уха, наваристая-то какая!

Ивану хотелось заулыбаться и ответить: «Это мы наловили!» Но он каждый раз сдерживался.

О великие воины,
Слушайте голос орлиных перьев,
Поющих о мужестве.
Слушайте голос орлиных перьев,
Поющих о полёте большой птицы...
О воины,
Слушайте Песню Перьев!..

С о в а

Люди вползали в товарный вагон один за одним, как звенья длинной конвейерной цепи. Очередной ставил ногу на коротенькую, в две ступеньки, железную подножку, вцеплялся руками в бортик пола и подтягивался. Потом переваливался внутрь. Если он делал это недостаточно быстро, ему помогал ударом автоматного ствола солдат, стоявший сбоку у двери.

Человеческий конвейер двигался почти без перерыва. Его запустили умелые руки из местного отряда СС, как запускали множество раз до этого в Познани, Катовицах, Лодзи и в других более маленьких населённых пунктах Великой Земли Польской.

Повесть печатается с сокращениями. Полностью она будет опубликована в издательстве «Детская литература» в 1973 году.

— Цвайундфирцихь... дрейундфирцихь... фирундфирцихь... — считал руководивший погрузкой обер-ефрейтор. Он считал совершенно автоматически, как считал бы, например, пачки сигарет, выдаваемые в каптёрке на команду из двадцати человек, или пересчитывал наличие боезапаса в отделении. Он подталкивал очередное звено человеческой цепи ладонью и без всякого выражения на лице произносил:

— Фюнфундфирцихь... зехсундфирцихь... зибенундфирцихь...

Цепь быстро укорачивалась. Старательный обер-ефрейтор знал только одно: в ней должно быть ровно шестьдесят звеньев. Ровно шестьдесят, не меньше и не больше. Тридцать три вагона по шестьдесят единиц в каждом. Таков был порядок.

— Зибенундфюнфцихь... ахтундфюнфцихь... нойнундфюнфцихь... — рука обер-ефрейтора скользнула по воздуху, не найдя очередного плеча. Это был непорядок. На его лице отразилось раздражение. Он обернулся:

— Во ист зехцихь? Где шестидесятый, чёрт вас возьми!

Шестидесятый был без сознания. Солдат, помогавший заключённым двигаться к вагону, слишком сильно ударил его прикладом карабина между лопаток, и шестидесятый упал ничком на асфальт перрона, разбив в кровь лицо.

— Ауфштеен, швайхунд! — сказал солдат и ткнул упавшего в бок сапогом. Потом растерянно посмотрел на обер-ефрейтора: — Кажется, отдал концы... Господин обер-ефрейтор, разрешите кончить?.. — Он положил пальцы на рукоятку затвора.

Обер-ефрейтор поморщился. Вечно этот Рильке показывает своё рвение. Даже там, где это не совсем к месту. Нельзя быть таким служакой. Нужно иногда понимать что к чему.

— Ни в коем случае, Зепп. Комплект должен быть полным. Франц! Помоги-ка зафиксировать эту падаль в коробку.

Второй солдат, куривший у сцепного крюка, отбросил в сторону сигарету и подбежал к упавшему. Зепп и он подняли человека, как поднимают шпалу, сделали сильный кач и забросили его в вагон. Те, что стояли внутри, отпрянули, чтобы дать место телу.

Обер-ефрейтор махнул рукой:

— Полный порядок. Закрывайте!

...В серых вагонных сумерках, плотно прижавшись друг к другу, стояли люди. Никто не разговаривал. Слышен был только перестук колёс, поскрипывание деревянной обшивки да металлическое дребезжание откинутых оконных щитов. Люди ещё не могли прийти в себя от всего происшедшего за последние часы. Каждый по-своему переживал несчастье.

Они отлично понимали, куда направляется эшелон, и знали, что означает похожее на свист бича слово «Аусшвиц». Слово «преисподняя» звучало райской музыкой по сравнению с этим. Какими наивными казались сейчас легенды о девяти кругах ада и о грешниках, жарящихся на вечном огне! То, что ждало их впереди, было самым чудовищным порождением цивилизации двадцатого века и казалось бы выдумкой мрачного фантаста; если бы не существовало в действительности. Но самым страшным было как раз то, что это существовало и называлось коротко и жутко — Аусшвиц...

— О Езус... — наконец пробормотал кто-то в углу, и люди вдруг словно очнулись от гипноза, ожили, задвигались. Шёпот пополз по вагону, усилился, превратился в нестройный гул, затем в ропот. Начали выделяться отдельные голоса:

— Меня взяли прямо с чёрного рынка... вышел на десять минут за сигаретами...

— Гануся, ясочка моя ненаглядная!.. Ей вчера исполнилось ровно четыре годика. Вы понимаете — ровно четыре! И я ничего не мог...

— Скверная история. Втяпались крепко!

— Люди, разве нет больше бога?..

— Они такие же католики, как мы, и я не верю, чтобы у них поднялась рука...

— Э, милейший, неужели вы не видите, что творится вокруг? Пол-Европы горит на костре... Аутодафе, которое не снилось самому Торквемаде...

— А этого бедолагу, кажется, забили до смерти, — сказал парень в рабочем комбинезоне, кивнув на шестидесятого, который лежал на полу у двери без признаков жизни. — Отодвиньтесь, панове, имейте совесть. Дайте кончиться человеку.

Стоящие поблизости качнулись назад. Кто-то застонал. Кто-то выругался.

Парень нагнулся над лежащим и стал его рассматривать.

— Они проломили ему голову, — заключил он. — Всё в крови. Даже лица не видно. Но ещё дышит.

Он выпрямился и посмотрел на людей вокруг:

— Есть доктор?

— Откуда здесь доктор... — произнёс кто-то.

— Кто-нибудь может помочь человеку? — спросил парень. — Может быть, его ещё можно спасти.

— Пусть лучше умрёт... Это счастье...

— Замолчите! Пока человек не отдал концы, есть надежда, — сказал парень. — Я, например, не собираюсь раньше времени лезть в ящик. И вам не советую...

Из плотной массы людей вынырнул худой высокий человек в чёрном демисезонном пальто. Голова у него была подстрижена ёжиком, по-солдатски, высокий ворот чёрного скюртука застёгнут наглухо. Из рукавов пальто торчали грязные крахмальные манжеты, до локтей прикрывая костлявые кисти рук.

— Я могу помочь...

— Вы доктор?

— Нет. Я фельдшер.

Он опустился на колени рядом с лежащим и быстрыми, лёгкими прикосновениями ощупал его лицо и грудь.

— Череп цел. Кости тоже в порядке. Это просто шок от сильного удара по голове. Иногда это проходит само собой. Надо дать ему больше воздуха.

Фельдшер растегнул на раненом пиджак и рубашку, обнажив грудь. Под пальцы ему попал какой-то твёрдый предмет. Что-то продолговатое, вроде ладонки на тонком ремешке, охватывающем шею. Фельдшер извлёк его из-под рубашки на свет и поднёс к глазам. Это был прямоугольный кусочек твёрдого дерева, украшенный странной резьбой. Резьба изображала сову с большими круглыми глазами и широко распростёртыми крыльями. Под лапами совы переплетались нити сложного орнамента, и этот орнамент переходил на боковые грани деревяшки. От времени дерево залоснилось, стало коричневым и походило на кость.

Фельдшер недоуменно разглядывал странный талисман, вертя его в пальцах. В этот момент раненый шевельнулся, открыл глаза и судорожным движением запахнул на груди рубашку.

— Манито-о... — пробормотал он.

— Вам лучше? — спросил фельдшер, положив руку на лоб раненого.

— Так, — сказал раненый и сел, прислонившись спиной к двери.
 — Вас взяли сегодня?
 — Нет, — ответил раненый. — Я из Кельце. Из лагеря.
 Он говорил со странным акцентом, жёстко произнося окончания слов и как бы проглатывая начала.
 — Как вас зовут?
 — Станислав.
 — Кто вы?
 — Шауни...
 — Шауни? — Фельдшер оглянулся, словно ища ответа у окружающих. — Это какое воеводство?
 — Пить... — прошептал раненый и закрыл глаза, теряя сознание.
 Парень в рабочем комбинезоне подхватил его за плечи, не давая упасть:
 — Есть у кого-нибудь вода?
 Кругом молчали.
 — ...Всего полстакана воды!
 — Полстакана воды! — зло усмехнулся кто-то. — Ещё в гестапо швабы отобрали всё, даже запонки. У меня была фляжка с отличным коньяком...

— Оботрите ему лицо. Смотрите, сколько крови...
 — Панове, есть у кого-нибудь носовой платок?..
 ...Что это? Чьи голоса? Где он находится?.. Ах да, он среди белых. Среди белых на земле, которая называется Европой. На земле, которая находится за Большой Солёной Водой. Об этой земле им, тогда ещё маленьким ути, рассказывал старый Овасес...

Фельдшер осторожно обтёр лицо раненого носовым платком. Стена людей подалась назад, чтобы дать место и свет. Вагон раскачивался и вздрагивал на стыках рельсов. В зарешеченных прямоугольниках окон мелькали вершины сосен и разворачивалось бледное небо.

— Пан Станислав! — Фельдшер легонько шлёпнул по щеке раненого. — Помянитесь, пан Станислав!..

Раненый открыл глаза и несколько секунд, ничего не понимая, смотрел на окружающих. Он словно выплыл из другого мира, в который не было входа этим людям вокруг.

— Вам лучше, пан Станислав?

— Да...

— Кто вы такой? Откуда вас взяли? Из какого воеводства?

Станислав упёрся ладонями в пол, приподнял плечи:

— Я из Толанди. Из рода Совы.

— Здорово отделали парня, — вздохнул кто-то. — Они били его по голове. Мы шли рядом в колонне. Я видел. Он падал несколько раз.

— Не волнуйтесь, пан Станислав. Успокойтесь. Вспомните, кто вы такой.

— Я свободный шеванез из рода Совы.

— Прошу, пан, забудьте об этом...

— Я из земли Толанди, — упрямо повторил Станислав и, сделав невероятное усилие, поднялся с пола. Некоторое время он стоял, покачиваясь. Лицо его побледнело. Кровь снова потекла тёмной струйкой из раны на лбу. Он вытер её тыльной стороной ладони. Глаза его быстро бежали людей вокруг, потом он поднял их к потолку вагона, внимательно осмотрел все углы, будто ища выход из дребезжащей клетки, и снова перевёл на людей.

— Пан в эшелоне, который идёт в Освенцим, — сказал фельдшер. — Пан розумиет, что такое Освенцим?

Станислав не ответил. Он двинулся вдоль стены вагона к грубо сколоченным нарам. Заключённые раздвинулись, уступая ему дорогу. Состав увеличивал ход. Вагон мотало из стороны в сторону. Дребезг незакреплённых оконных щитов заглушал голоса. В щелях дверей посвистывал ветер.

— Я и мой брат Танто прошли перевал у Скалы Орлов, — сказал раненый.

— Я сам видел, как беднягу били прикладом по голове, — снова повторил голос из толпы. — По дороге на станцию он падал несколько раз. А двух человек они застрелили, потому что те не могли подняться.

— Матерь божья... — вздохнул кто-то.

Рука Станислава скользнула по стене около нар. На окровавленном лице появилось подобие улыбки.

— Май-оо, — пробормотал он, разглядывая толстый шестидюймовый гвоздь, торчащий из стены.

Гвоздь на треть выдавался из тёмных досок обшивки и тускло поблескивал в полутьме. Возможно, он остался после разборки клеток, в которых перед этим перевозили скот. Или же был забыт плотниками, наживлявшими брусья для нар.

Тонкие желтоватые пальцы Станислава ощупали гвоздь, и вдруг с неожиданной силой согнули его у доски. Несколько быстрых вращательных движений — и длинный гвоздь оказался в руках того, кто назвал себя шеванезом из рода Совы.

— Май-оо! — повторил он, пробуя ладонью гранёное остриё.

Не глядя ни на кого, он опустился на колени и прижал ладонь к полу. Несколько раз он переползал с места на место, прежде чем нашёл то, что нужно — щель между досками настила. Очистив её от набившейся земли, он всадил остриё гвоздя в край доски и отщепил от него узкую лучину. Затем сделал то же самое с другой стороны.

Он работал быстро и точно. Было видно, что он привык держать в руках нож. Через несколько минут щель расширилась настолько, что в неё можно было пропустить пальцы. Люди кругом с испугом смотрели на то, что он делает. Только у парня в рабочем комбинезоне вдруг оживилось лицо.

— Добже, пан Станислав,— пробормотал он.— Это есть настоящее дело.

— Пустая затея, панове,— покачал головой фельдшер.— При такой скорости это всё равно, что прыгать прямо в могилу.

— По мне лучше в могилу, чем в Освенцим,— отозвался парень.

— В лагере будет какой-то шанс...

— Здесь тоже есть шанс.

Парень присел на корточки рядом со Станиславом и нащупал конец половицы, там, где она стыковалась с соседней. Ногтями поддел шероховатый торец, и, закусив губы, отодрал тонкую щепку.

— О Великий Маниту, помоги нам на нашем пути... — пробормотал Станислав, всаживая остриё гвоздя в щель между досками.

Никто из окружающих не понял его слов. Вряд ли во всём эшелоне мог найтись хоть один человек, знакомый с алгонкинскими наречиями.

...Было далёкое-далёкое детство в стране тёмных лесов Толанди. Сколько Больших Солнц прошло с того времени? Теперь уж и не сосчитать. Прошное затянулось дымкой забвения, стало похоже на зыбкий сон. Взмахнув крыльями, оно навсегда улетело в Страну Вечности и Воспоминаний. Что осталось от Прошлого? Тихая Песня Прощания, которую пела мать в День Удаления. Песня, слова которой на всю жизнь остаются в душе!

О, ути,

Ты уходишь в далёкий и трудный путь,

Чтобы забыть обо мне...

Будь же сильным и смелым,

И шаги твои пусть направит Великий Дух...

Свет костра у подножия Папок-куна, что зовётся Скалой Безмолвного Воина. Неторопливый голос Овасеса, объясняющего, как нужно держать в руке метательный нож, чтобы он воткнулся в дерево концом острия, а не ударился плашмя или спинкой. Горячее плечо лучшего друга — Прыгающей Совы — рядом с твоим плечом. Высокая фигура отца, держащего на поводу своего чёрного мустанга. Серебряный смех сестрёнки Тинагет.

Где сейчас Танто, дорогой старший брат? Наверное, у форта Симпсон, что стоит у впадения Лиарда в Макензи. В это время они всегда приходили туда и меняли беличьи шкурки на муку, сахар и толстое синее сукно. О, если бы сейчас он был рядом!..

— Пан Станислав, её уже можно оторвать...

— Да, можно.

Четыре руки одновременно нырнули в щель и уцепились за край доски, изгрызенный гвоздём.

— Кто знает эти места? — спросил кто-то. — Где мы?

— Наверное, скоро будет Енджеюв,— ответили от двери.— Сплошные леса. А от Кельце до Енджеюва километров пятьдесят.

Половица с треском оторвалась. Ветер хлынул в вагон. Вместе с ветром ворвался железный грохот колёс, запах дыма и смазки.

— Вторую! — сказал Станислав.

Концом оторванной половицы он поддел вторую доску и одним движением вырвал её из пола. Парень в комбинезоне таким же приёмом выломал третью.

— Благодарю тебя, Манито!.. — улыбнулся пан Станислав и опустился на колени.

Там, внизу, на расстоянии человеческого тела, неслись шпалы, размытые скоростью в серый туман. Неслась земля, неслись запахи чащи, неслась свобода в стуке колёс и скрежете сцепных крюков. Но он увидел не шпалы и не железную раму вагона.

Перед глазами мелькнула черная поляна, уши поймали топот копыт мустанга, и ещё один топот, неотвратимый, настигающий. Топот коня Овасеса. Ближе, ближе... Он слегка поворачивает голову и видит учителя с широким ремнём в руке, занесённой для удара. Сейчас, вот сейчас ремень с шипеньем рассечёт воздух и опустится на голые плечи... Надо уйти от удара, подогнав коня или применив какой-нибудь из приёмов, которым учил Дикий Зверь... Тело само собой делает рывок влево, руки скользят по кожаной подпруге, удерживающей попону, поляна встаёт дыбом, потом трава её оказывается перед самым ли-

цом... серые, размытые скоростью полосы... дробный грохот копыт... скользкая от пота шкура мустанга у щеки... Ещё рывок — и он снова на спине коня, только уже с правой стороны... Ремень не достал его. Овасес проносится мимо.

Май-оо! После занятий, когда они будут отдыхать у костра, учитель посмотрит на него и кивнёт головой — высшая похвала.

Эту штуку должен уметь делать каждый ути, которому исполнилось девять лет. В двенадцать лет Молодые Волки должны уметь ездить верхом и владеть оружием так же свободно, как обыкновенные люди ходят, говорят и едят...

...Земля под вагоном неслась со скоростью мустанга. Парень в комбинезоне положил свою руку ему на плечо и кивком показал на пролом:

— Пошли?

— Да,— сказал Станислав.

Ч а щ а

Солдаты охраны на площадке тормозного вагона глубже надвинули каски.

— Будет большой дождь,— сказал младший, взглянув на небо.

— Тут смотри в оба, как бы он не оказался свинцовым,— отозвался старший. — Говорят, эти проклятые леса нашпигованы бандитами.

— На имперский состав они никогда не нападут. Если, конечно, не захотят своей смерти! — заносчиво сказал младший.

Старший усмехнулся.

— Много ты понимаешь, сопляк. Поездили бы с моё на этих имперских составах, затянул бы другую песню. Эти славянские варвары и воют по-варварски. Когда разбивают их основные силы, население уходит в лес и собирается в бандитские шайки. Они нападают небольшими группами и сразу же исчезают после налёта.

Он достал из кармана френча сигарету и закурил, пряча огонёк за жигалки от ветра в рукав шинели.

— Там!.. — неожиданно вытянул руку младший, и на лице его отразились удивление и страх. — Вон, видишь, ещё один... Что это такое, а?..

Старший взглянул в сходящиеся вдаль нитки рельсов, на которых неведомо откуда появились вдруг два тёмных пятна. Будто два потерянных кем-то мешка лежали на шпалах. Они так быстро уходили назад, что ничего нельзя было рассмотреть. И только когда на

полотне появилось третье пятно, он сообразил, что это такое. Выругавшись, рванул с шеи свой «вальтер» и, приложившись, выпустил длинную очередь в лестницу убегающих вдаль шпал. Рядом загрохотал автомат младшего.

...Станислав опустил ноги в пролом, потом осторожно протиснулся в него сам. Внизу лязгала и грохотала земля.

— Падай ничком, на руки. Постарайся, чтобы тебя не перевернуло. Самое главное, чтобы не перевернуло. И не шевелись, пока не пройдут все вагоны! — сказал парень, приблизив к нему лицо.

Станислав кивнул.

...Ещё там, у скалы Одинокого Воина, Дикий Зверь учил шестилетних ути падать с мустанга на всём скаку так, чтобы не сломать себе ключицы и рёбра. Падать и замирать, чтобы преследователи приняли тебя за мёртвого. А потом, ящерицей извиваясь между кам-

ней, уползать в безопасное место. Сколько синяков было у него на плечах, сколько раз он до крови ссаживал колени и руки, прежде чем далась ему эта наука! Но он освоил её. И вот теперь, как тогда, на берегу Лиарда, она должна помочь ему обрести свободу...

Он повис на одной руке, подогнув колени и слегка раскачиваясь в такт качанию вагона. Затем, выбрав момент, отцепился от края пролома. В тот же миг сильнейший удар оглушил его и занёс ноги куда-то в сторону. Но тело, натренированное ещё там, в лагере Молодых Волков, знало, что нужно делать. Оно как бы припечталось, слилось с землёй. Вихрь, несущийся над головой, дохнул в лицо жаром и пылью, заставил крепче зажмурить глаза. Когда гром пронёсся над ним и стал удаляться, он приподнял голову. Впереди, на расстоянии полуполёта стрелы, между рельсов лежало ещё одно тёмное пятно. А ещё дальше, там, где быстро уменьшалась задняя стенка последнего вагона, вдруг сверкнули красные молнии, и воздух вокруг завизжал от пуль. Станислав прижался щекой к шпале, подождал, пока не перестали грохотать многозарядные ружья охраны, потом переметнулся через рельс и скатился по насыпи в заросший высокой травой кювет. Только тут он поднялся на ноги и вздохнул.

Лес стоял рядом плотной тёмной стеной. Ветер шёл по вершинам деревьев. Чёрно-синее облако закрывало восточную часть неба. В кустах подлеска шевелился, попискивал птичий народ. Ноздри ощутили запахи смолы, сырости, хвои, прелых листьев и поздних осенних цветов. Это были запахи Чащи, безграничности и Свободы. Неужели он их успел позабыть?

Он сделал вдох полной грудью. Разбитые губы дрогнули в чуть заметной улыбке. Впервые за два года жизни на земле, которую белые называли Европой, он ощутил себя человеком. Не гонимым, не презираемым выродком, как именовали его швабы в чёрных мундирах, а настоящим сыном земли, огромной и прекрасной...

— Э-э-эй, приятель!

Станислав вздрогнул и обернулся, и понял, что он стоит не в типичной матери, а на лесной опушке, у железнодорожной насыпи и по этой насыпи кто-то бежит, размахивая руками. Приглядевшись, он узнал парня, который помогал ему взламывать пол.

— Жив?.. — задыхаясь, остановился возле него парень. — Ну, повезло! За мной прыгали ещё двое. Кажется, швабы их прикончили...

— Надо посмотреть, — сказал Станислав.

— Идём.

Они пошли по дну канавы, напряжённо прислушиваясь к каждому шороху, готовые в любую минуту нырнуть в подлесок. Но кругом было спокойно, только воздух становился всё гуще и быстро смеркалось. Чёрно-синяя туча закрывала теперь полнеба.

— Они могут пустить по нашим следам собак, — сказал парень. — Они всегда так делают. С первой же станции пошлют на дрезине охрану с овчарками.

— Мы не оставим следов, — усмехнулся Станислав.

Парень удивлённо посмотрел на него.

— Что же, по воздуху полетим, что ли?

Станислав не ответил. Он уже знал, что горожане не знают Законов Чащи и ведут себя в лесу, как дети, попавшие в незнакомое место. Даже старые люди, живущие недалеко от леса, плохо знали силу ягод и трав, которые там росли. Белые больше прислушивались

к шороху раскрашенных бумажек, которые называли деньгами, чем к голосам природы. Самый маленький Мугикоонс-Сит из лагеря Овасеса был опытнее, чем взрослый белый.

Станислав шёл не частым, но широким шагом, шагом дальней дороги. Несколько раз он нагнулся, разглядывая что-то на склонах канавы. Наконец выдернул два пучка какой-то травы, отряхнул с корней землю и спрятал пучки в карман.

— Здесь не растёт кванони, — пробормотал он. — Зато есть дикая петрушка.

Первый, к которому они подошли, лежал навзничь, с запрокинутой назад головой. В его широко открытых глазах гасло небо. Под ним расплывалась лужа крови. В судорожно сжатых пальцах застряла щебёнка, будто последним усилием он пытался унести с собою щепоть родной земли. Пули пробили ему плечи и грудь, вспоров одежду. С левой ноги соскочил коричневый башмак и валялся неподалёку.

Не притрагиваясь к телу, Станислав осмотрел его. Короткие ружья швабов стреляли с непостижимой быстротой. Раны от пуль располагались близко друг от друга. Всего было три раны. Это оружие было страшнее, чем карабины Королевской конной полиции, которые ему приходилось видеть в стране Толанди. Видимо, человек ушёл в Страну Теней мгновенно, не успев даже сообразить, что с ним произошло.

— Сволочи!.. — выругался парень, глядя на мёртвого. — Свиньи собачьи!

— Зачем слова? — сказал Станислав. — Мёртвому никакие слова не нужны. Идём, посмотрим второго.

Второму автоматная очередь разнесла голову. Тёмные брызги застыли на шпалах. Ноги, согнутые для прыжка, так и не разогнулись. Пиджак лопнул по швам.

— Значит, обоих... — пробормотал парень.

— Они умерли, как умирают воины, — сказал Станислав. — Их глаза до конца видели свободу...

«Гу-у!.. Гу-у!..» — мрачным эхо разнеслось по лесу.

Станислав поднял голову.

— Это кричит Куку-куру, сова. Скоро ночь. Надо идти. Мы ещё находимся в стране живых.

Они спустились в канаву.

Здесь Станислав сел на землю, вынул из кармана пучок зелени и стал тщательно натирать им подошвы своих ботинок. Вторым пучком он бросил своему спутнику.

— Делай так, как делаю я.

Парень недоуменно повертел пучок и даже понюхал его:

— Что это такое?

— Сахкиенгун, дикая петрушка. Натирай. Ни один зверь не почует наших следов.

...К полуночи они были глубоко в чаще и продолжали идти, не переставая, всё дальше и дальше от железной дороги.

Только один раз парень остановился, протянул руку Станиславу и сказал:

— Меня зовут Ян. Ян Коссовский. Теперь мы до конца вместе.

Гроза прогремела где-то на юге, раскаляя небо голубыми сполохами. Ветер принёс усилившиеся запахи травы и прелых листьев. Облака разошлись, открыв звёзды. Прямо в зените сверкали, переливались чистым голубым светом звёзды Большой Медведицы.

— Ян, — обернулся к спутнику Станислав. — Семь Глаз показывают половину ночи. Нужно отдыхать, иначе завтра мы будем слабыми, как старые женщины.

— Нет, Стась, нужно идти на север. И чем быстрее, тем лучше. На севере в Борковицких лесах партизаны. Нужно найти их. У нас нет другого пути.

— Нельзя идти сейчас, Ян. Ночная дорога отнимет у нас силы. А утром я смогу разговаривать с лесом. Понимаешь?

— Я уверен, что здесь везде карательные отряды. Утром они схватят нас, как кроликов.

— Утром лес укроет нас лучше, чем ночью.

— Ты думаешь?

— Знаю.

Ян остановился:

— Хорошо. Верю. Что будем делать?

— Спать.

— Хотел бы я посмотреть, как мы это сделаем, — пробормотал Коссовский.

— Под утро на земле будет много росы. Надо спать на дереве, — сказал Станислав.

— На этих ёлках? — усмехнулся Ян. — Представляю...

— Не надо говорить лишние слова, — сказал Станислав. — Здесь растут тополя. Тополь — тёплое дерево.

Подходящий тополь нашёлся не сразу. Станислав долго ходил во мраке под деревьями, что-то прикидывал, ощупывал в темноте ветви, поглаживал стволы ладонью. Наконец он нашёл то, что нужно. Это был тополь средних размеров с широкой развилкой на высоте двух человеческих ростов и с густой кроной, похожей на шатёр. Под этим шатром густела чернильная темь. Шелестели невидимые листья.

Охватив ствол руками наподобие петли, Станислав упёрся в него ступнями и быстро поднялся к развилке. Усевшись на неё, он окликнул Яна:

— Лезь.

Через минуту Коссовский был рядом с ним.

Подогнув ветви, Станислав переплёл их и устроил нечто вроде гамака, на котором можно было лежать без риска свалиться вниз. Ветра здесь почти не чувствовалось. К тому же Станислав выбрал развилку, отходящую на южную сторону. С севера их прикрывали ствол и крона.

— Здорово получилось, — сказал Ян, устраиваясь поудобнее на переплетённых ветвях. — Похоже, что ты всю жизнь провёл в лесу.

— Я жил в лесах Толанди, — сказал Станислав. — Семнадцать лет.

— Толанди? Что-то не слышал. Это в каком воеводстве?

— Это земля на юг от реки Макензи.

— Река Макензи? Подожди... Это где-то в Америке?

— Канада.

— Э... так ты, значит, не поляк? Ты француз или англичанин, да?

— Нет. Я шауни.

— Кто-кто?

— Шауни.

Ян задумался.

— Нет, про таких я что-то не слышал. Кто такие шауни?

— Индейцы.

Гамак вздрогнул от резкого движения Яна.

— Чёрт!..— произнёс он.— Я думал, что ты бредил там, в вагоне. Так, значит, всё... правда? Ты настоящий индеец?

— Да.

— Откуда ты знаешь наш язык? И каким ветром тебя занесло в концлагерь?

— Надо много говорить, — сказал Станислав. — Посмотри, Семь Глаз уже повернули к рассвету. Мы должны отдыхать, чтобы завтра не быть похожими на старых женщин.

— Подожди. Только один вопрос. Ты давно в Польше?

— Большое Солнце. Это по-вашему год. Спи. Человек не может узнавать всё сразу.

Великий вождь Понтиак

...Шорохи листьев, касаясь слуха, убаюкивали Станислава, уносили сознание в Страну Снов. Некоторое время он блуждал по голубым долинам и холмам этой страны без цели и без мысли, а потом вдруг увидел охотничий лагерь племени на берегу О-ти-писоква и площадь Большого Костра, и замшевую покрывку типи, и услышал голос отца.

Он вошёл в типи. Внутри было пусто, темно и холодно. Видимо, люди давно покинули шатёр. Только голос отца продолжал жить в нём. В холодной темноте он раскачивался, подобно отголоскам грома.

— Слушаю тебя, отец мой, — прошептал Станислав, ощупью пробираясь к стене, противоположной входу. — Мои уши открыты для твоих слов.

— Моим дедом и твоим прадедом был Текумсе, запомни это на всю жизнь, мой сын. Он водил воинов на победоносные битвы, охотников — на большие охоты, собирал стариков на мудрые советы. Его голоса слушались шестнадцать племён, и, пока он был жив, тень поражения не падала на тропы воинов, а счастье было гостем каждого рода.

Но сначала был Понтиак, великий вождь племени оттава. В то время белые, которых называют франками и которые занимали земли Луизианы и Канады, потерпели поражение от англичан. Англичане хлынули, как горный по-

ток, в плодородные долины реки Огайо. Их было много, так много, как бывает лосося в реках во вре-

мя нереста. Они шли пешком небольшими отрядами или ехали в фургонах, запряжённых волами или лошадьми, и земля после них становилась пустой и скудной, будто по ней пронеслось стадо бизонов. А в лесах переставали петь птицы и переводилась всякая дичь.

Франки приносили меньше вреда. Они не захватывали наши охотничьи угодья. Они только покупали у нас пушнину, маис и мясо, а наши воины помогали им бороться против англичан.

И вот, когда англичане вошли в наши леса и начали строить на наших землях свои военные поселения, собрался Совет Вождей мно-

гих племён. На этот совет пригласили франков. Два дня и две ночи совещались вожди. Каждый говорил, что настоящие враги индейцев — англичане, потому что они посягнули на священное право народа — право владеть землёй отцов и дедов. Ещё говорили, что англичане вообще не признают никаких прав красных охотников и следуют только одному правилу — «хороший индеец — это мёртвый индеец». Да, сын мой, они убивали наших людей везде — на охотничьих тропах, у ручьёв, у стен родных типи, просто при встречах в горах или на равнине. Они охотились на красных, как волки-мугикоонс охотятся на карибу.

Мы не хотели Большой Войны. Война приносит страдания не только тем, против кого воюют, но и тем, кто её начинает. О, кровь моей крови, ты ещё узнаешь, что победы иногда бывают более горькими, чем поражения!

Но на этом совете вожди решили начать Большую Войну. Вожди поддержали франки. Они обещали дать нашим воинам оружие, которое стреляет огнём, обещали, что их воины, которые ещё занимали несколько фортов на берегах Огайо, поддержат нас в этой войне.

Здесь же, на Совете, старейшины выбрали Великим Вождём Понтиака, вождя племени оттава. Его выбрали потому, что все знали о его храбрости и мужестве, и ещё потому, что земли оттава уже топтали ноги англичан.

Сразу после совета Понтиак разослал гонцов ко всем племенам, живущим вокруг Великих Озёр, племенам, которые кочевали по берегам Огайо и её притокам, и племенам, живущим на берегах Миссисипи. В те годы мы, шауни, ставили свои типи тоже на берегах этой великой реки.

Гонцы Понтиака несли с собой вампумы и томагавки и призывали к восстанию против ненавистных окимов, говорящих на английском языке.

Поднялись онондаги, секека и тускароры, виандоты и оджибва, меномики, онейды и крижи, приняли вампун мы, шауни, и даже несколько племён с низовьев Миссисипи согласились подняться на лодках на помощь восставшим, когда настанет весна.

Понтиак был опытным и мудрым воином. Он не собрал всех племён вместе, чтобы не отрывать их от мест охоты и своих полей. Он назначил определённый день, когда каждое племя должно было внезапно напасть на ближайший к нему английский форт, перебить гарнизон, а затем уже разгромить соседние поселения колонистов.

День начала Большой Войны был вторым днем Месяца Цветов. Так решил Великий Вождь. Сам вместе с потаватоми, виандотами и оджибва должен был напасть на большой, хорошо укрепленный форт Детройт, незадолго до того отнятый англичанами у французов. Детройт был очень важным фортом, потому что он расположен на протоке между озёрами Гурон и Эри. Тот, кто владел Детройтом, был хозяином Великих Озёр.

Наши разведчики узнали, что англичане сосредоточили большую часть своих сил в Детройте и в форте Питт, на месте которого сейчас стоит город Питтсбург. Питт тоже был важным фортом. Он закрывал путь к низовьям Огайо и Миссисипи.

И вот настал тот великий день, который назначил Понтиак. Я уже сказал, что это было в Месяц Цветущих Трав, в месяц Поющей Воды и Первого Мёда. Воины восемнадцати племён одновременно напали на двадцать фортов белых, томагавки и стрелы запели Песню Смерти. Девятнадцать фортов пали сразу. Окимы не выдержали натиска красных воинов, бросили свои укрепления и попытались бежать. Но мы знали свои леса лучше, чем англичане. Беглецы нашли свой конец в Чаще. Форты были сожжены. И только один из них — Детройт — продолжал держаться. Пон-

тиак осадил его, уничтожив все поселения вокруг. Но белые непрерывно получали пищу и подкрепления через озеро Эри. Осада затянулась. В Месяц Падающих Листьев гонец привёз Понтиаку плохую весть — франки заключили с англичанами мир и советовали прекратить войну. Понтиак отказался. Он привык доводить каждое дело до конца. Тогда франки перестали давать индейцам патроны для винтовок. Это было хуже всего, потому что против белых можно воевать только оружием белых.

Так франки предали Понтиака. Их языки сначала говорили одно, а потом стали говорить другое. На первых порах мы не знали, что белые поступают так всегда. Только позднее мы поняли это. Но было уже слишком поздно...

Понтиак снял осаду Детройта. Воины не могли надолго отрываться от своих племён. Надо было заниматься охотой, чтобы сделать запасы на зиму. И так уже время было упущено.

Англичане воспользовались этим и построили несколько фортов на землях оджибва, оттава и даже проникли в земли дакота.

На следующий год Понтиак снова послал вампун виннебагам, омаха, кри и потаватоми, но вожди этих племён не хотели слушать его гонцов. Они говорили, что лучше жить в мире с белыми, чем подвергать свои земли угрозе нападения.

— Вы думаете, что англичане останутся там, где они сейчас? — сказал тогда Понтиак. — Пройдёт несколько Больших Солнц, и вы увидите их воинов на берегах ваших рек и в чащах ваших лесов. И ваши женщины будут петь не песни радости и богатого урожая, а песни смерти!

Но никто не прислушался к его словам. Вожди упорно не хотели принимать вампун.

Понтиак попытался продолжать войну один, только с воинами своего племени. Но у него было

мало сил. А у белых сил становилось всё больше. Видя это, Понтиак приказал воинам сойти с военной тропы и отложить томагавки.

Он поехал в Детройт и заключил мир с англичанами. На обратном пути его предательски убили выстрелом в спину.

...Станислав проснулся от какого-то внутреннего толчка. Инстинкт, выработанный в лагере Молодых Волков, подсказал ему, что в окружающем мире что-то изменилось. Он приподнял голову. Рядом, свернувшись в клубок, тяжело дышал Ян. В густом тумане, в той стороне, откуда они пришли, глухо лаяли собаки и так же глухо позвякивал металл. Станислав прислушался, задержав дыхание.

Звуки были очень знакомы. Где-то когда-то он уже слышал такое. Но где? И когда?

Лай иногда прерывался хрипом. Видимо, рвущихся вперёд собак сдерживали поводками.

Руки Станислава сами собой сжались в кулаки. Он оглянулся, будто ища оружие.

Великий Дух! Такие же звуки он слышал пять Больших Солниц назад, там, на берегу Лиарда, когда за ним и за его братом Танто охотились всадники Королевской конной. Такое же дерево, такой же лес, такой же туман... И рука Танто на его плече... И прерывистый голос как будто Танто была лихорадка:

— Вап-Нап-Ао... Они прочёсывают лес...

Да, они прочёсывали. Только тот лес был гуще этого и все тропы были известны, как линии на раскрытой ладони. Ручей, впадающий в Лиард, был их ручьём. Земля, по которой они ходили, была их землёй. Запахи Чащи знакомы с детства. И даже те, которые шли по их следам, были знакомы с тех пор, как Станислав и Танто начали помнить себя. Белой Змеей матери пугали детей, когда те не слушались. Однако с теми можно было разговаривать, правда, не подпуская их ближе, чем на полполёта стрелы.

А, с этими...

У этих был язык, похожий на ворчание собак, когда они ссорятся из-за кости в закоулке между шатрами. С ними вообще нельзя говорить, ибо они слушают только себя. И признают только одну силу — силу оружия. Они подобны стае волков, напавших на стадо оленей. Волки всегда режут больше, чем могут съесть.

Рядом зашевелился Ян.

Он вытянулся, зашуршав листьями, открыл глаза и приподнялся, оглядываясь. Спросонья не мог сообразить, где находится. Но скоро взгляд его стал осмысленным, и он улыбнулся Станиславу:

— Холодно, чёрт возьми...

— Тихо! — сказал Станислав, сжимая его плечо. — Они прочёсывают лес.

— Надо уходить! — воскликнул Ян и рванулся из гамака.

Станислав дернул его назад:

— Нет! Надо сидеть очень тихо!

Лай и хрипение собак теперь слышались очень ясно.

— Овчарки... — прошептал Ян. — Они всё-таки взяли след...

— Нет, — сказал Станислав. — Собака никогда не лает, если идёт по следу. Она нюхает.

— Они увидят нас снизу.

— Молчи. Они ничего не увидят.

Через секунду за кустами, шагах в тридцати от тополя, появились швабы.

Впереди шёл толстый и низенький, в каске, надвинутой на самые глаза. На боку у него болталась квадратная фляжка, а в правой руке он держал поводки, с которых рвались две тёмно-серые, почти чёрные овчарки. За толстым, прижав к поясу приклад вскинутого автомата, готовый в любую минуту стрелять, двигался шваб повыше. Голова его, защищённая каской с маскировочной сеткой, непрерывно поворачивалась вправо и влево. И вместе с ней вправо и влево поворачивался ствол автомата.

А за этими двумя проламывалось через кусты ещё человек десять. Один из них нёс на плече ручной пулемёт.

Станислав и Ян замерли, прижавшись плечами друг к другу. Они лежали на переплетённых ветвях и сквозь просветы в листве смотрели на швабов.

Толстый уже миновал тополь, на котором скрывались беглецы. Собаки, натягивая поводки и фыркая, тащили его вперёд. Станислав был прав. Они шли не по следу.

Высокий вдруг остановился, перебросил на грудь автомат и начал искать что-то в карманах.

К нему подошли ещё двое и о чём-то быстро заговорили. Потом все трое засмеялись. Высокий нашёл сигареты, угостил подошедших, и один из них чиркнул зажигалкой.

Прикурив, они снова заговорили. В быстрых рубленых фразах проскальзывали слова «бандитен» и «партизанен».

Так они стояли минуты две, и спрятавшийся на дереве красный воин мог бы уложить сразу двоих одной стрелой, потому что они совсем не знали осторожности.

Потом из чащи донёсся крик и ругательства. Вероятно, кричал тот, толстый, который вёл собак. Высокий ответил, все трое затоптали окурки и пошли сквозь кусты.

И опять, в который уж раз, Станислав удивился глупости белых. Овасес учил, что воин никогда не должен шуметь на военной тропе. «Воин должен быть гибким, как змея, быстрым, как мысль, и бесшумным, как тень» — так учил малышей-ути старый Овасес, у которого в шатре висело много черепов серых медведей. Но даже в мирное время охотники-шауни старались не оставлять за собой никаких следов. Если есть камни, они не ступали по земле, а перепрыгивали с камня на камень. Никогда не ломали ни одной ветки и не срывали ни одного листка.

Швабы ушли.

Станислав подождал, когда заглохнет в отдалении лай собак, и только тогда сделал знак Яну спускаться вниз.

Они соскользнули на землю.

— Они ищут не нас, — сказал Ян. — Ради двух человек не послали бы такой отряд.

— Да, — сказал Станислав.

Он послунил палец и поднял его над головой. Несколько раз повернув руку, показал на северо-восток.

— Надо идти туда.

— Почему? — спросил Ян.

— Туда дует ветер.

— При чём здесь ветер?

— Он дует со стороны швабов.

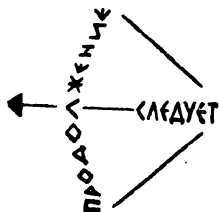
— Ну и что?

— Собаки не почуют наш запах.

— Верно, — сказал Ян. — Идём.

Они шли наугад, не зная, что их ждёт впереди.

Они были довольны уже тем, что двигаются и что удалось уйти далеко от железной дороги. Жизнь, даже самая невыносимая, всегда лучше смерти, ибо в жизни есть надежда. Человек всегда надеется. На стечение обстоятельств, на неожиданный случай, на товарища. Или на самого себя.

Владимир КУДИМОВ

Баллада о дельфине

До гавани мила.

Полмили до дна:

*Одна лишь надежда на бога, —
А в гавани ждут корабли допоздна,
Но часто дожидаться не могут.
Над рифами грозно бушует прибой,
Проход отыскать очень трудно.
Но прямо по курсу взлетел над водой
Дельфин в ста саженьях от судна.
И судно повёл он кратчайшей прямой
Навстречу бурунам и скалам.
И тотчас бесследно исчез за кормой,
Опасность едва миновала.
Исправно с тех пор нёс не год и не два
Дельфин добровольную службу.
И очень его уважала братва
За смелость, за верность, за дружбу.
Но как-то пришла, одолев океан,
Из дальних морей бригантина.
И ранил на спор молодой капитан
Из новой винтовки дельфина.
Ушёл он в залив.*

Но однажды, вдали

*Тревожно услышав сирену,
Вернулся дельфин проводить корабли,
Против человеку измену...
А время настало последнего сна,
Он в гавань приплыл на рассвете, —
Обмыла его голубая волна,
И первым отпел его ветер.
По рангу салют не положен над ним,
И только на рейде горели
Притихших судов бортовые огни
Да песен в таверне не пели.*

Да падали в кружку,
 Последние пенсы и лиры, —
 И памятник скромный над гаванью встал
 В честь лучшего лоцмана мира.
 Пройдёт ли морячка —
 Братва —
 Но снова идут в океан корабли
 Навстречу тревогам и ветру!

звенеть не устану,
поклон до земли,

снимет молча береты.

Полдень

Плоскодонка такой слывет,
 Оттолкни — и сама
 Правый берег ярист, высок.
 Левый — отмели,
 Остановишься
 Птахи ахают в тальнике.
 В небо, высинив пережат,
 По наклонной ушла река.
 Дали медленно над землёй
 Самолёт затянул петлёй.
 Солнце следует, не спеша,
 Ломкой линией камыша.
 Белым бакеном на воде
 Чуть покачивается день.
 Ни поклёвки с утра.
 Жара...

Рис. Г. Моисеевой

КАК ПОЯВИЛАСЬ НА СВЕТ ЭТА КНИЖКА?

*Не догадаешься никогда.
Я сама расскажу об этом.*

Сначала этой книжки не было. Сначала я написала совсем другую книжку, для взрослых, но её съели коровы. Предвижу возражения. Мне скажут, конечно, что коровы книг не едят. Но я тут же отвечу: смотря какие коровы. Наши — не едят. Но вы не знаете коров Индии они всё едят. Коровы Индии — священные. Это значит, что все их уважают, почитают, восхваляют и даже в древней песне поётся: «Не обижай невинную корову! О, кроткая мать Индии!» Но никто особенно не заботится о том, чтобы их накормить. И они бродят по Индии свободные, священные, великие, но голодные и съедают всё, что попадётся.

Так они съели мою первую книжку.

Закончив её, я оставила исписанные страницы в саду на плетёном кресле и пошла в дом, чтобы выпить холодной воды с лимоном. (В Индии хочется пить.) В это самое время в сад пришли три коровы: красная, бурая и белая. Я видела из окна дома, как они вошли, шевеля большими ушами, но откуда мне было знать, что у них на уме. Напилась воды как ни в чём не бывало и вернулась в сад, чтобы исправить ошибки. Рукописи уже не было. Они съели её. Белая корова — первую главу, красная — вторую, а бурая — третью, последнюю. На губе у неё ещё висел клочок последней недо-

еденной страницы. При виде меня она его выплюнула. На нём ещё можно было прочитать слово «проблема». (Это очень серьёзное слово, и здесь не время и не место его объяснять.) Да дело и не в этом. Одно серьёзное слово всё равно не заменит целой серьёзной книги. Книжка пропала навсегда. Труд столько дней! Сколько мыслей! Всё съедено. И в руках — один уцелевший клочок бумаги. Все сбегались посмотреть, что случилось. Раджан, который всегда улыбается, сразу же перестал улыбаться. Устин Устиныч развёл руками и сказал:

— Что упало, то пропало.

А повар Джимми задумался и промолвил:

— Лепёшки, которые я напёк, лежали поблизости на веранде, коровы их даже не попробовали. Значит, рукопись была вкуснее лепёшек.

Это, конечно, утешение, но почему-то оно меня не утешило. И я уж стала подумывать, что друзья иногда бессильны помочь в беде. Но как раз в это время пришёл Боря и подал такой совет:

— Книжки для взрослых надо писать дома, куда не заходят священные коровы. А если тебе хочется писать под открытым небом, где видны звёзды, ветерок приносит запах цветущих зарослей и шелестит листва, то пиши книжку для детей. В Индии так любят детей, что никто, даже священная корова, не покусится на детскую книжку.

И я послушалась Бориного совета. В старом городе, где торгуют всем на свете, купила новую тетрадь с танцующим Шивой на обложке. Вышла в сад, когда наступил вечер, и начала новую книжку. Вот она. Её никто не съел, и я передаю её вам из рук в руки.

КАК ВСЁ УДИВИТЕЛЬНО ДАЖЕ В ВОЗДУХЕ

Нет, нет! Я не буду подробно рассказывать о том, как мы летели в Южную Индию через всю Индию. А то рассказ получится слишком длинным, как этот путь.

Но об одном я упомяну. В синем индийском самолёте мы подлетали к Мадрасу. Очень красивая стюардесса в синем шелковом сари и в синей шапочке аэролиний Индии поклонилась любезно и поставила перед нами синий поднос, на котором были печенье, чай и конфеты.

Как ни в чём не бывало мы разжевали печенье, и сразу разинули рот, и долго сидели с открытым ртом, стараясь как-нибудь продышаться и погасить огонь во рту, потому что в печенье был перец! Этого мы не ждали. Кому могло прийти в голову, что в печенье положен перец? Хорошо что нас надоумило заесть печенье конфетой. Мы так и сделали. Мы заели печенье конфетой, и открыли рот ещё шире, потому что конфета тоже была с перцем! И как раз в эту минуту самолёт пошёл снижаться над Мадрасом.

Да, теперь-то я вижу, что всё это не случайно. Так удивительна та земля, к которой мы приближались, что всё равно нам пришлось бы открыть рот — не от перца, так от удивления.

НАС ВСТРЕТИЛ РАДЖАН

Самолёт приземлился. Мы спустились по трапу. И тут же увидели улыбку Раджана. Самую яркую улыбку, какая только может быть на

свете. Мы видели его в первый раз в жизни. И удивляться надо, как Раджан в толпе прибывших безошибочно выбрал именно нас и нам улыбнулся. На всякий случай мы улыбнулись в ответ. И, таким образом, встретились.

Боря говорит, что это он первый улыбнулся Раджану, а Раджан ответил ему улыбкой. Но это неважно. Главное — мы встретились. Добрались в наш город, где жили и работали целый год. Построили станцию, и она дала ток. А праздник по случаю пуска станции пришёлся как раз на день «дивали», который в Индии называют днём огней... Но не будем забегать вперёд.

Итак, Раджан сел за руль. Машина двинулась с места. Мы оглянулись вокруг себя и убедились своими глазами.

КАК ВСЁ УДИВИТЕЛЬНО НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

Начать с того, что земля была красная. Да, совсем красная земля. А на ней — зелёные, ярко-зелёные рисовые поля. И на красной земле среди зелёных рисовых полей росло редкое дерево — пальма-пальмира. Толстый ствол кверху уже и уже, выше и выше, так что если хочешь увидеть макушку, то шляпа с тебя (если ты в шляпе) обязательно свалится. Но весь вопрос — стоит ли задирать голову? На макушке, на большой высоте несколько чахлах, ошипанных листьев. И растёт эта пальма не рощей, а поодиночке, как будто догоняет одна другую, и убегают одна от другой по всей красной земле, через всю Южную Индию.

Уверяют, будто эта пальма сначала была не пальмой, а птицей, и при этом очень драчливой. И будто однажды в драке ей выщипали все перья, оставив только хохолок на макушке. И будто в таком виде она не могла показаться среди птиц и волей-неволей стала пальмой-пальмирой. Став пальмой, она крепко вцепилась корнями в землю. Оттого ствол ее стал очень прочным. За это все относятся к ней с большим уважением.

Эти справки мы навели потом. А поначалу только смотрели вокруг себя, на широкую, ровную, красную землю.

ГЛАВНОЕ УДИВЛЕНИЕ

Раджан сказал: «О!», замедлил ход. Тут-то мы и увидели белого быка Брахми. За пальмой-пальмирой, на перекрёстке дорог. Он прошёл и исчез. Но мы его успели рассмотреть. Это был белый, огромный, одnogорбый индийский бык. Складки на шее его качались, опускаясь до самых копыт. Рога он держал высоко в небо. Они были загнуты, как края молодой Луны, которая светит над Южной Индией. На шее — ни верёвки, ни следов хомута. Рога не покрашены в зелёный и красный цвет, как обычно делают в Индии. Но, говоря по правде, мы не видели быка красивей, чем белый бык Брахми.

— Большая удача, — сказал Раджан. — Не всякому удаётся увидеть белого быка Брахми. Не всякому попадается он на глаза. Белого быка Брахми не заманишь и не поймашь.

— Почему? — удивились мы.

— Потому что весь век он проводит в пути.

— И давно он странствует?

— Говорят, уже пять тысяч лет.

Услышав это, Боря так откинулся на спинку сиденья, что машина остановилась.

— Пять тысяч?! — сказал Боря. — Бык? Не верю. Сейчас мы это проверим.

У дороги сидел старик. Три полоски пеплом были нарисованы у него на лбу в знак того, что старик о чём-то думает.

К нему Боря и обратился с вопросом:

— Как ты думаешь, может белый бык пять тысяч лет ходить по дорогам? Я этому не верю.

— И я сомневаюсь, — сказал человек. — Я думаю, что белый бык Брахми ходит по Индии десять тысяч лет.

Представьте себе, от такого ответа голова у Бори накренилась набок, как тяжёлый лиловый цветок на верхушке банановой пальмы. И не мудрено. Что бы стало с вашей головой, скажи вам кто-нибудь, что белый бык десять тысяч лет ходит по дорогам?

Брахми скрылся вдали. Машина тронулась, и от толчка Бориной голова встала на место.

И самое время. Потому что впереди уже показался наш город, в котором мы собирались жить и строить электростанцию. И люди, встречая нас, приветливо махали руками.

НАШ ГОРОД

Это совсем новый город, построенный из бетона и кирпича. Но крыши в городе плоские, как строили тысячу лет назад. Потому что в Индии любят спать на крышах. Проснёшься ненароком среди ночи — и сразу можно увидеть над головой звёзды. Можно было бы спать и прямо на земле, если бы не змеи. Не скрою, что змеи иногда приходят в город из зарослей орешника, который называется кэшью-нат, и смотрят, не пора ли кого-нибудь покусать. А потому, если хочешь спать под открытым небом, лучше всего спать на крыше.

При каждом доме веранда, как строили тысячу лет назад. Веранду оплетает зелень дикого винограда. Потому что круглый год — кроме поры дождей — печёт солнце и, если не будет тени, можно изжариться в собственном доме.

А крыльцо высокое. Когда пойдут дожди, весь город поплывёт, и если

сделать низкое крыльцо, пожалуй, можно утонуть в своём собственном доме.

Нелегко работать в поле, нелегко строить станцию под палящим солнцем. А дождь приходит всего два раза в год. Его ждут с нетерпением, призывают, заклинают и волнуются в ожидании: вдруг дождь не придёт?!

Но если дождь не придёт или опоздает — может ли быть что-нибудь хуже? Не знаю.

ПРО СЛОНА АЙРАВАТУ И ПРО ТО, КАК ЗАПАЗДЫВАЛ ДОЖДЬ

Именем слона называют всё лучшее, что есть на свете. Всё мудрое, доброе и прекрасное. Походку красивой женщины называют походкой слона. И умного человека сравнивают с мудрым слоном. И долгожданный дождь называют слоновым дождём. И облако, приносящее дождь, называют слоновым облаком. И южный край города или деревни, откуда приходит дождь, называют стороной слона. «О, мудрый, о долготерпеливый слон!» — поётся в древней песне.

Говорят, кстати, перед тем, как великий Будда родился на свет, его мать видела во сне слона. Но проверить это довольно трудно, потому что было это две с половиной тысячи лет назад. И учёные до сих пор спорят, в самом ли деле родился на свет великий Будда, или его вовсе не было. Ещё труднее установить, что именно видела его мать во сне. А потому историю про Будду мы оставим и обратимся лучше к слону по имени Айравата, который стоял под навесом у нашего клуба.

Мы видели слона Айравату каждый день и по нескольку раз в день. Он работал рядом с нами, и всякий раз, когда мы приходили поесть, слоновий погонщик Шагири приводил Айравату, чтобы облить его водой. Слоны устают только тогда, когда у них перегревается кожа.

Входя, мы всякий раз говорили:

— Привет, Айравата!

А уходя:

— Будь здоров, Айравата!

Банан или ломоть папайи всегда находился у нас для Айраваты. А когда в клубе испортился вентилятор, Айравата, просунув хобот через веранду, махал над нашими головами веткой дерева манго, разгоняя жару.

Правда, это была ещё не жара. Настоящая жара пришла потом. Листья пальм висели неподвижно. Собаки, как мёртвые, лежали в пыли. Перепёлки замолкли, как будто у них пересохло горло. От зноя растрескалась вся земля. А дождя всё не было.

Да, это была жара! Боря, вернувшись со станции, отказался есть и выпил залпом семь бутылок воды. Не две и не три, а семь! Повар Джимми поставил перед ним ящик. Только крышки звенели, падая на бетонный пол, да, пузырясь, шипела вода, вырываясь из горлышек. Все хранили молчание, пока Боря пил. Когда седьмая бутылка опустела, Боря обратился к погонщику Шагири:

— Это правда, что летний дождь называют слоновым дождём?

— Правда, — сказал Шагири.

— А дождевое облако — слоновым? И южный край города — стороной слона?

— Да, это правда, — сказал Шагири.

— Значит, слон — хозяин дождя?

— Конечно, — сказал Шагири. — В древности, говорят, здесь был один город, в котором не было ни

одного слона. И дождь совсем позабыл этот горрд и обходил его стороной. И владыка соседнего царства сжался над несчастным городом, послал ему своего слона. И слон привёл за собой дождь. А жители царства разозлились на магараджу и...

— Спасибо, — сказал Боря. — Остальное меня не интересует.

Он взял в руки свой пробковый шлем. Шаги его были твёрдыми. Он завернул за угол, под навес, где стоял Айравата, и сказал только:

— Эх ты, Айравата, а ещё слон!

Он зашагал прочь. И Айравата двинулся с места.

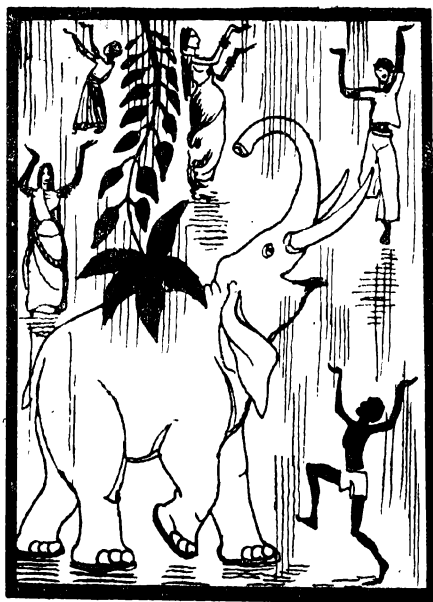
Почувствовав беспокойство, я вылезла на крышу. И увидела, как они расходятся в разные стороны. Боря шёл на север, Айравата — на юг.

И в ту же минуту заметила, что с юга, оттуда, где исчез Айравата, идёт туча, а внизу трепещут и дрожат разорванные листья бананов. По улице несётся скатанная в клубок трава. Тяжёлая первая капля упала мне на шею. В крупный горох окрасилась вся пыльная крыша и на глазах стала темнеть и блестеть. Пошёл дождь.

С юга в потоках воды вместе с дождём пришёл Айравата. А с севера, весь мокрый до нитки, вернулся Боря. Он утверждает, что ни в чём не упрекал слона и не говорил: «Эх ты, Айравата, а ещё слон». А будто бы Айравата просто-напросто первым почувал приближение тучи и вышел встречать дождь. Наверное, так и было. Нам некогда было выяснять. Все высыпали на улицу. Все подставили руки и головы дождю. Все кричали от радости. А Айравата трубил и, говоря по правде, был очень похож на владыку дождя.

ДОЖДЬ ШЕЛ день, другой, третий, неделю, и две, и три — без остановки и без передышки. Сначала машины ещё возили нас на станцию, утопив колёса, распуская круги, по брюхо в воде — как водяные жуки.

Но потом не пошли и машины. Стена воды падала сверху. Весь го-

род поплыл. Прорвались подземные трубы, и вода стала бить фонтанами. Реки неслись по улицам, бурля на поворотах. Сады ушли под воду. Дальнее поле, где бьют из-под земли ключи, стало морем, и по нему ходили волны. Вода всех ручьёв и рек соединилась с водой океана.

Нет, никому я не пожелаю сидеть одному посреди отсыревшего дома и смотреть, как тёмным пятном расплывается на потолке сырость, и знать, что отрезан дождём от всего мира. Сидеть сложа руки — с ума сойти можно.

Лучше я расскажу, пока идёт дождь, о том, кто встретился нам однажды в древнем городе Читамбараме.

Читамбарам знаменит своим древним храмом. А храм знаменит каменными фигурами, сделанными с великим искусством. Ради них люди, говорят, готовы пересечь океан. Мы жили неподалёку и в первый же выходной день отправились в Читамбарам.

ВСТРЕЧА В ЧИТАМБАРАМЕ

(История, рассказанная во время
дождя)

Дождя тогда не было и в помине. Дорога к великому храму была усыпана лепестками жасмина. Увядая на солнце, они пахнут ещё сильнее. От жары попряталось всё живое.

Мы оставили туфли под воротами храма (таков обычай Индии) и вступили босыми ногами на раскалённые плиты. И сразу же нас обступили со всех сторон сотни богов из камня. На воротах и стенах, на крышах и в нишах — повсюду боги: в образе слона, обезьяны, коровы, фазана, мыши и многоголовой кобры. И танцовщицы, взметнувшие руки в пляске, и музыканты — и всё это из камня. А главный над всеми — танцующий Шива. Всё было неподвижно, как

может быть неподвижен только камень. Как будто всё заснуло посреди движения. И не было ни одной живой души в великом храме Читамбарама. Только один лысый жрец встретился за всё время, но он спал на каменной лавке рядом с многоголовой коброй... Храм юга велик, как целый город.

Мы обошли его весь, все дворы, и постройки, и тысячеколонные залы, и галереи, и священный пруд.

Летучие мыши спали в углу под навесом. Запах старого масла и жасмина стоял в молельнях.

Посреди большого двора лежал каменный бык. Он лежал, нагнув голову и подвернув одно копыто. Круги масла чернели у него перед мордой на светлом камне. Он был похож на белого быка Брахми, только Брахми — живой, а этот — каменный. Мы остановились посмотреть на него. И вдруг неожиданно-негаданно что-то взметнулось в воздухе, что-то мелькнуло перед глазами. На спине у быка, у нас перед носом, очутился живой мальчишка.

Он был без сомнения живой, потому что смеялся, глаза у него блестящие, и даже один из зубов рос немножко криво, чего у богов никогда не бывает. Не скрою: мы вздрогнули.

— Кто ты такой? — спросил Устин Устиныч.

— Я? Бог Шива, владыка танца. — Он посмотрел на нас. Но мы устояли на месте.

— Так, — сказал только Устин Устиныч. — Богов не бывает.

— Я — магараджа, — сказал мальчишка. — У меня дворец в тысячу комнат. И в каждой из них прохлада. Я ем каждый день. Я ем, сколько я хочу. Павлины ходят в моём саду. Вода журчит, омывая цветы и тропинки. Я всеилен...

— Понятно, — сказал Устин Устиныч. — Магараджей нет в свободной Индии.

— Я великий артист, — сказал мальчишка.

— А откуда ты взялся?

— Всплыл со дна океана. Я всплыл вместе с самыми ценными

ценностями земли. Сначала, как известно, всплыла корова, за ней — первая книга. А за ними — я.

— Врёшь, — сказал Устин Устиныч.

Мальчишка засмеялся:

— Меня слепила богиня Парвати. Из глины, пены и остатков душистого мыла, которые она соскребла со стенок своей ванны. Она вложила мне в губы флейту и, дунув в неё, вдохнула в меня жизнь. С тех пор у меня в ушах всегда звучит музыка...

— Повтори ещё раз, — сказал Устин Устиныч.

— Охотно. Вон там на горе (её видно с дороги) огнепоклонник развёл костёр. Костёр горел, пока не спал человек. Но когда человек заснул, огонь погас. Проснувшись, человек ударил по углям. Из них вылетела искра. Это и был я.

В эту минуту Раджан показался из ворот, у которых стояла наша машина, а мальчишку как ветром сдуло. Он исчез, а мы стояли в полном недоумении. И накинулись на Раджана с вопросами:

— Кто ж это был такой?

— Я думаю, Намби, разносчик лимонов, — сказал Раджан. — Всё это на него похоже. Он сирота. Один на всём белом свете. Мать и отец его умерли. А воспитал его нищий сказочник Рамачандра.

Тут голос раздался откуда-то сверху. Мы подняли головы и с верхушки ворот, уходящих в небо, услышали песню. Она звучала по-тамильски. Раджан перевёл нам её, но от этого она не стала понятней.

Котлы всех стран и земель

Варят для нас еду.

Циновка для нас — вся земля.

Постель — от моря до моря.

Вечность ли мы проживём,

Умрём ли мы через миг,

Царь обласкает ли нас,

Или казнить велит.

Нам — всё едино, и так

Было и будет всегда...

— Это его песня, — сказал Раджан. — Очень старая, поскольку в ней упоминается царь, а время царей давно прошло. Рамачандра научил его этой песне.

— Есть ли хоть слово правды в том, что он наговорил нам?

— Есть, — сказал Раджан. — Что у него нет дома.

— Он сказал, что его дом — везде.

— Это одно и то же. Если нет дома, значит, дом — везде.

Чтобы всё это лучше улеглось в голове, мы заехали в кофейню, ту, что помещается в бамбуковом сарае. Ничто так не прочищает голову, как чашка южноиндийского светлого пенного кофе. Нигде — ни в Африке, ни в Америке, ни в Европе — нет такого, только в Южной Индии, в штате Мадрас. Мы выпили по одной чашке, в голове у нас посветлело. И всё улеглось от слова до слова из того, что нам рассказал про Намби кофевар — тощий человек в белой одежде. Он закрыл глаза, чтобы всё лучше припомнить, и вот что мы услышали.

Рис. П. Вискова

(Слончание следует)

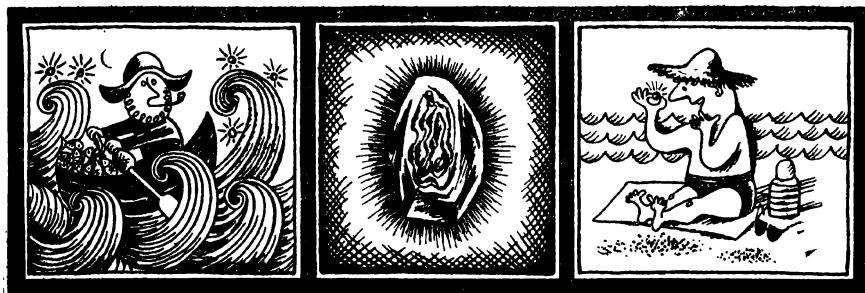
Даже люди, объездившие весь свет, считают это место одним из самых удивительных в мире. Например, известный немецкий писатель-антифашист Томас Манн с восторгом говорил о «неописуемом своеобразии и очаровании» природы Курише-Нерунг. По-литовски это место называется Неринга. А по-русски — Курская коса.

Косой, как учит нас география, называют узкую и низкую полосу суши, которая одним концом соединена с берегом. Курская коса на редкость длинная: девяносто семь километров тянется она с юго-запада на северо-восток, от Зеленоградска в Калининградской области почти до Клайпеды в Литве. Самая большая её ширина — три с половиной километра, а самая маленькая — семьсот метров. В этом узком месте во время сильного шторма солёные воды Балтики перекрёстывают через косу и попадают в пресноводный залив, куда несёт свои воды Неман.

Название Курской косы не имеет никакого отношения к городу Кур-

ску. Имя ей дало древнее племя куршей, обитавшее здесь в далёкие времена. Славяне называли это племя ещё курами, или корсью. Воинственный и свободолюбивый народ долго оборонялся от поработителей — немецких крестоносцев. Но силы были слишком неравны. Псырыцари истребили или онемечили куршей. Уцелевшая их часть позднее слилась с литовским и латышским народами, приняла их язык и культуру. И только на Курской косе до сих пор старые рыбаки называют себя куршами. Кстати, во многих научных книгах название косы точно воспроизводит имя древнего племени — Куршская.

Рыбная ловля — исконное занятие жителей косы. Потому и самый большой на калининградской части косы посёлок называется Рыбачьим. А ещё местные обитатели собирают грибы, ягоды и янтарь. Только янтарь ищут не в лесу, а на морском берегу. Когда разыгрывается сильный шторм, море поднимает со дна и выбрасывает на прибрежный песок куски «солнечного камня». По-

тому и называют такие бури янтарными.

Кусочки янтаря довольно часто попадают на литовском, латвийском побережье Балтики, реже — на территории Ленинградской области. Но больше всего его находят на калининградской земле. Кто-то подсчитал, что Балтийское море каждый год кладёт к ногам человека около тридцати семи тонн «солнечного камня».

В 1862 году возле посёлка Янтарного, который тогда назывался Пальмникен, разбушевавшееся море выбросило почти две тонны янтаря. Трудно было поставить ногу, чтобы не наступить на россыпи «солнечного камня». Сейчас в этом посёлке работает единственный в мире янтарный комбинат, где обрабатывают ка-

Курскую косу называют ещё балтийской Сахарой. Это единственное в наших северных широтах место, где, как в пустыне, кочуют пески. Ведь вся коса сложена из тонкого белесоватого песка, сплетена из него морем и ветром. Она русая, как косы большинства прибалтийских девочек. И всё, что здесь построено, стоит на песке.

Когда-то косу покрывал сплошной лес. Но потом, ещё в средние века, люди стали вырубать деревья, корчевать пни. Большой урон лесу нанесли войны. Пески освободились от связующей силы корней и пришли в движение. Гонимые сильным западным ветром, тем же самым, который поднимает янтарные бури, пески пошли в наступление на посёлки, дороги, сады.

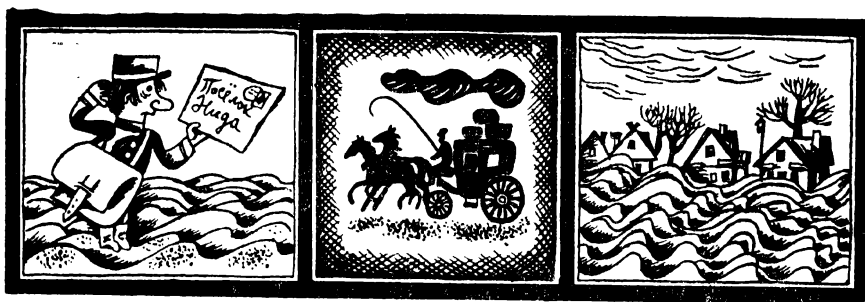
мень, делают из него прекрасные украшения и самые разные вещи. Здесь балтийский самоцвет не собирают, а добывают. Он содержится в слое голубой земли, который лежит под двадцатиметровой толщей пустой породы.

Пробовали также добывать янтарь и на Курской косе. Но месторождение скоро иссякло. А собиратели до сих пор, выходя на берег после шторма, внимательно смотрят под ноги. И часто находят сияющие тёплым светом, отполированные морем кусочки камня. Иногда величиной с ноготь, а иногда и с кулак.

* Псы-рыцари жестоко казнили каждого, кто оставлял себе найденный янтарь. А теперь каждый может попытаться счастья на янтарном берегу.

Вдоль косы проходил древний почтовый тракт Мемель—Кёнигсберг, или, говоря современным языком, Клайпеда—Калининград. Он служил долго, но людям становилось всё труднее бороться с песчаными бурями. Наконец в 1833 году они сдались перед стихией. Тогда на два километра дороги выпало одиннадцать тысяч кубометров песка. Тракт перестал существовать. До начала прошлого века в песке утонули двадцать посёлков. Многие селения по несколько раз перекочёвывали с места на место. Например, посёлок Нида трижды менял свой адрес, отступая перед нашествием песков.

Дорогой ценой заплатили люди за невнимание к природе. Наконец они взялись за ум — стали сажать

деревья, выращивать травы. Но создавать гораздо труднее, чем портить. Саженьцы никак не хотели приживаться на блуждающих песках. Их засасывало с головой, из-под них выдувало почву, и они гибли. Однако люди на этот раз оказались упорнее стихии. Они поняли, что единственное их спасение — в союзе с зелёным другом. Жители косы снова и снова сажали деревья, построили вдоль морского побережья защитный вал — он задерживает песок, не дает ему двигаться дальше.

Теперь на Курской косе снова шумит лес. Сосны, что растут поближе к морю, наклонились. Их стволы, словно стрелки компаса, показывают одно и то же направление. Это направление господствующего ветра — с запада на восток. Чем дальше от берега, тем прямее стоят деревья. Им уже не страшен ветер.

Но не совсем покорилась балтийская Сахара. На косе ещё много голого бродячего песка. Вдоль берега Курского залива тянется гряда дюн, самых высоких в этих широтах — до шестидесяти метров. Они крепко утрамбованы дождями — по песку идёшь, как по насту: он поскрипывает и почти не проламывается под ногами. Но стоит подняться сильно-

му ветру, как оживают, ползут серые змейки песка. В год дюны перемещаются на три-четыре метра.

Однажды туристы оставили на берегу палатку, а сами ушли в лес. Долго там гуляли, а когда вернулись, палатки не оказалось. Искали её, с ног сбившись, пока обнаружили. Она была засыпана песком. Трудно искать на Курской косе забытые вещи. Лучше их там не терять, а то песок проглотит.

Это удивительное место носит ещё одно имя — птичий мост. Вдоль косы каждую весну и каждую осень летят крылатые путешественники — в иные дни так густо, что застилают небо. Когда лесные певуны отправляются на зиму в тёплые края или с наступлением тепла возвращаются к своим гнёздам, они предпочитают двигаться над сушей. Линия берега от Клайпеды уходит круто на юг, а птицам надо лететь западнее. Потому и сходятся над Курской косой пути дроздов, соловьёв, соколов, скворцов и множества других обитателей лесов северо-востока Европы. Все ленинградские, прибалтийские, подмосковные лесные птицы вплоть до Урала столетиями летают этим путём. Среди них особенно много зябликов — иногда до

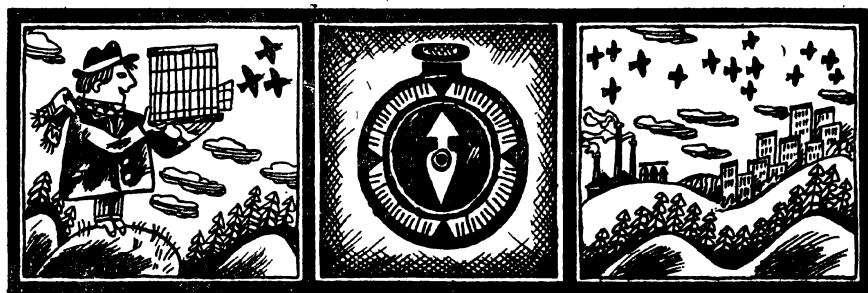

половины всех перелётных птиц. Поэтому латинское имя зяблика — фрингила — стало названием биологической станции, которая создана на Курской косе.

Здесь работают орнитологи — учёные-птицеведы. Курскую косу они считают самым удобным в мире местом. Ведь здесь в самое горячее время пролетает полтора миллиона пернатых в день! Летят они низко над землёй. Учёные умеют на глаз определять примерное количество птиц в стае. А кроме того, в их распоряжении есть три огромные ловушки. В их входные ворота может въехать тяжёлый грузовик, не то что влететь птичья стая! Тонкая сеть, поднятая на двенадцатиметро-

писать эти слова — «иногда» и «обычно» — учёным нужны результаты многолетних наблюдений, огромное количество фактов. Ведь только три из каждой сотни колец, надетых в Рыбачьем, возвращаются к человеку. Если бы здесь изучали диких уток или гусей — другое дело: на них охотятся, у них «процент возврата», как говорят орнитологи, гораздо выше. А певчие птицы охотников не интересуют. И живут они короткий срок — в среднем только три года. Потому и приходится надевать тысячи и тысячи колец.

Что же дала эта огромная работа? А вот что. Раньше считалось, что наши певуны переживают хо-

вых столбах, тянется на сто метров, постепенно снижаясь к земле. По соседству стоит деревянная будка. В ней на столе лежат длинные шомполы с нанизанными на них маленькими алюминиевыми колечками. В самые напряжённые дни сотрудники станции надевают на птичьи лапки по пять-шесть тысяч колец.

Зачем это нужно — кольцевать птиц, да ещё так много? Для того чтобы узнать, где зимуют и гнездятся наши крылатые друзья, певцы и борцы с вредителями леса — разными жуками и гусеницами. Кольца надевают в расчёте на то, что эта птица снова попадёт в руки человека.

Но путь одной птицы может быть и случайным. Иногда через Курскую косу пролетают сибирские птицы, хотя обычно они летят прямо на юг. Вот для того чтобы на-

лода на юге. Оказалось, что на юго-западе. Причём каждый вид птиц облюбовал свои места зимовья: скворцы — Англию, чижи — Северную Италию, зяблики — Южную Францию и Испанию. Пожалуй, дальше всех летают наши ласточки: в Южную Африку, в Кейптаун.

Птицами интересуются не только орнитологи. Инженерам очень хотелось бы создать такой же выгодный двигатель, как у зяблика: он использует шестьдесят четыре процента затраченной энергии! Ничего подобного до сих пор не создано человеком. И вообще пока ещё не ясно как следует, почему птицам удаётся летать. Крылья они используют и для подъёма и для тяги — этого не смог сделать ещё ни один конструктор самолётов. А как мал и надёжен «механизм», который помогает пернатым с поразительной точностью находить свои гнёзда в конце пути протяжённостью не-

сколько тысяч километров! На здании биологической станции в Рыбачьем ласточки слепили несколько гнёзд. Каждую осень они улетают в Кейптаун и каждую весну возвращаются обратно. Не другие, а именно те же самые — об этом говорят номера на кольцах. Как это им удаётся?

Учёные высказывали разные предположения. Одни считали, что птицы ориентируются по магнитному полю. Нет, говорили другие, — по солнцу и звёздам. Ничего подобного, возражали третьи, — по очертаниям земли, как по карте...

Долгий спор разрешили орнитологи Курской косы. С помощью круглой клетки. Эта клетка похожа на барабан без верхнего дна. В ней птица видит только небо. В середине клетки установлено кольцо, а по окружности — восемь жёрдочек. Они подключены к счётной машине. В обычном состоянии птица беспрядочно прыгает по клетке. Но как только наступает пора отлёта, прыжки становятся целенаправленными — до девяноста процентов в направлении традиционного маршрута.

С этой клеткой и пойманными на Курской косе птицами учёные из Рыбачьего поехали в среднюю полосу России, в район Курской магнитной аномалии. Известно, что залегающая здесь железная руда сильно влияет на стрелку компаса — она отклоняется на шестьдесят градусов. Такое сильное здесь магнитное поле. Может быть, оно собьёт птиц с толку? Тогда подтвердится правота тех специалистов, которые утверждают, что птицы ориентируются по магнитному полю Земли. Птиц выпустили. И что же? Они уверенно полетели туда, куда из века в век летают их сородичи.

Птиц с Курской косы повезли ещё дальше — в Среднюю Азию, в Восточную Сибирь, на Дальний Восток. В тех местах они и их предки никогда не бывали. Но и это их не смутило. Они всё равно нашли вер-

ное направление, вернулись в свои гнёзда.

Значит, не магнитное поле и не географические ориентиры помогают пернатым находить дорогу к дому. Но как только их лишали возможности видеть небо, они сразу теряли свою удивительную способность. Из этого учёные сделали вывод, что птицы в основном путешествуют, руководствуясь расположением солнца и звёзд.

Однако орнитологи Курской косы на этом не остановились. Ведь птицы, уже улетавшие со своей стаей, могли запомнить, куда и когда надо лететь. Взяли молодого чижа, который родился и вырос на косе, в неволе. Он никогда не «разговаривал» с другими чижами и ничего у них не мог узнать. Наступила пора отлёта. И этот неопытный чижик, сидя в круглой клетке, стал всё время прыгать на одну и ту же жёрдочку со стартового кольца — в сторону Северной Италии, куда в это время летели стаи чижей.

Выходит, что направление полёта передаётся птицам по наследству — это инстинкт. Ну, а выбор времени полёта тоже инстинкт? Как, например, зяблики в тёплой Испании узнают, что у них дома под Ленинградом или под Москвой началась весна и пора собираться в далёкую дорогу?

В Рыбачьем отобрали две группы совершенно одинаковых скворцов. Они сидели в одинаковых клетках, только в разных комнатах. Кормили их тоже одинаково. Но для одной группы птиц день стали постепенно удлинять — с наступлением темноты включали лампы. И птицы заволновались. Их выпустили, и они полетели на северо-восток, как весной, хотя ещё стояла морозная зима, на земле лежал снег и деревья были голыми. Стало быть, пернатые узнают, когда нужно лететь, по длине светового дня.

Много узнали учёные о птицах. Это очень нужные сведения — и для птиц и для людей.

НЕОБЫЧНЫЙ БУКЕТ

ШАГАЕТ по земле лето. Тянет к солнцу травы. Шелестит листвою деревьев. Рассыпает цветы по зелёным коврам. И живут они каждый по-своему. У каждой травинки, каждого цветка свои особенности, свои «привычки», свой «характер». Обо всех травах, цветах, деревьях нам, конечно, не рассказать. Но некоторые мы попробовали «собрать в букет» на страницах нашего журнала. А необычен этот букет потому, что растения в него вошли такие, которые в обычном букете вместе никогда не бывают. Впрочем, читайте и судите сами.

САМЫЕ КРУПНЫЕ

Чуть покачиваются на водной глади белые крупные цветы с золотым сердечком. А вокруг — широкие плоские листья.

Белая лилия, белая кувшинка, водяная роза — по-разному зовут этот цветок в народе. А его ботаническое название — нимфея, от слова «нимфа». Так называли древние греки и римляне богинь, живущих в озерах, реках, лесах и лугах.

Немало сложено о цветке и легенд. Одна из них повествует о молодой прекрасной девушке, превратившейся в цветок. Другая, наоборот, рассказывает, что за цветком скрывается злая ведьма, которая заманивает в воду ребят, и они тонут. Очевидно, эта вторая легенда возникла не случайно: ведь белая лилия растет не только на мелководье, но вздымается и над 3—4-метровой глубиной, нередко в заболоченных, илистых местах. Собирать такие цветы опасно.

Но так красива белая лилия, что многие спешат к ней, несмотря ни на что. А потом — увы! Сорванная с большим трудом, она быстро увядает и закрывается зелёной чашечкой. Цветок не имеет защитных приспособлений против испарения, потому и гибнет очень быстро.

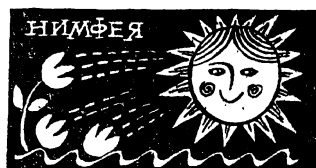
О белой лилии, белой кувшинке вы можете прочесть в любом учебнике ботаники. Цветки у неё белые, крупные — до 12 сантиметров в поперечнике. Один цветок весит от 5 до 10 граммов. И в листьях, и в черешках хорошо развиты воздухоносные полости. Листья и цветы покрыты восковым налётом — вода с них скатывается. А от улиток их защищают волоски-ворсинки.

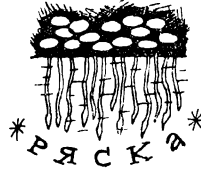
Цветы кувшинки — солнцелюбы, они «ходят» за солнцем, глядят на него и точно не наглядятся, раскрываются в то время, когда солнце светит наиболее ярко и греет сильно. В ненастную и холодную погоду цветки закрыты и частично погружены в воду.

Знаменитый ботаник Линней предложил однажды устройство цветочных часов (для 60 градусов северной широты). «Механизм» этих часов был основан на том, что многие цветки раскрываются и закрываются в определённое время. Козлобородник, например, раскрывается в 3—5 часов, цикорий — в 4—5 часов, одуванчик — в 5—6 часов утра. В 8—9 часов расправляются на клумбах оранжевые ноготки. Белая лилия, по Линнею, раскрывается в 7 часов утра, а закрывается в 5 часов вечера.

У нас же, в Лужском районе, цветы кувшинки раскрываются в июле в 10—10.30, а закрываются в 20—21 час, а в августе соответственно в 10—11 часов и в 19—20.

Плоды лилии созревают под водой. Когда зрелый плод лопается, многочисленные чёрные семена всплывают на поверхность воды и плавают, благодаря покрывалу, наполненному воздухом. Семена эти уносит течение, рыбы и птицы поедают их покрывала. И тогда семя тонет, чтобы вновь прорасти следующим летом.

Нередко рядом с белой кувшинкой растёт и её родная сестра — кубышка, или кувшинка жёлтая. Сёстры имеют знатных родственников и среди них — викторию амазонскую, или викторию-регию, с крупными цветками и листьями. Последние достигают двух метров в поперечнике и выдерживают уже не лягушку, как листья белой кувшинки, а ребёнка весом 35 килограммов. А на лист с загнутыми краями, похожий на сковородку, можно насыпать ровным слоем до 75 килограммов песка.

В Индии и Египте растут другие родственники кувшинок и кубышек — лотосы. Есть они и в нашей стране: на Дальнем Востоке — голубые, а в дельте Волги — розовые с белым оттенком.

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ

Пруды, лужи и тихие заводи рек с июня по октябрь затянуты ярким зелёным ковром самого крошечного цветкового растения — ряска маленькой. Порою ряска так много, что и воды не видно.

Ряска маленькая — растение многолетнее. Состоит оно из пластинки-листика и корешка, погружённого в воду. Ботаники говорят, что это не лист, а сплюснутый стебель. Листьев нет. Верхняя сторона пластинки не смачивается водой, а нижняя лежит на воде и получает из нее питание. Корень с надетым на его конец колпачком удерживает растение в горизонтальном положении, не даёт ему перевернуться.

Ряска хотя и цветковое растение, но цветет очень редко. Многие ботаники годами ищут этот цветок, да так и умирают, не увидев его. Цветы же у ряски совсем крошечные и устроены очень просто: всё соцветие состоит из одного пестика и двух тычинок.

Размножается ряска, обходясь без помощи цветка. По бокам листика образуются побеги, они быстро отделяются, растут — и вот вам новая ряска.

Зимует ряска подо льдом. Осенью она опускается на дно: у растения уменьшаются воздухоносные полости и развивается крахмал — а он тяжелее воды.

Маленькая ряска в природе играет большую роль. Она выполняет роль санитара: поглощает углекислый газ, выделяет кислород и этим очищает водоёмы, создает условия для жизни мелких животных.

«ЧУДНЫЙ ДАР ВОЛШЕБНИЦЫ-ВЕСНЫ»

Это сказано о ландыше. Сотни поэтов разных поколений воспели этот цветок. Даже композитор П. И. Чайковский написал о нём стихи:

*О, ландыш! Отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы роскошней и пышней,
И ярче краски в них, и веселей узоры,
Но прелести в них нет таинственной твоей.*

И вправду: цветок ландыша из белоснежных колокольчиков своеобразно красив. А какой у него аромат!.. Не только люди, даже кумушка-лиса любит забраться в заросли ландыша и так нахуляется его аромата, что даже хмелеет.

Удивительный это цветок! Колокольчики у него белые, нежные, а плоды — оранжевые, даже красные в сентябре, с твёрдыми, сочными семенами. Существует

даже легенда о том, как ландыш горячо полюбил красавицу-весну, а когда она его покинула, он заплакал такими горячими слезами, что даже кровь выступила из его сердца и окрасила слёзы-ягоды.

А знаете ли вы, что этот цветок — непоседа? Каждый год ландыш вырастает на новом месте. Почему? Всё очень просто. За лето его корневище даёт длинный подземный побег. Весенний побег выпускает листья. Растут они год, два, три — и вот появляется цветок. Отцветет ландыш, и снова перерыв на 2—3 года. Понятно теперь, почему в лесах листья ландыша встречаются гораздо чаще его цветков?

На улицах нашего города букетики ландышей появляются в первой половине июня. А вот увидеть его здесь в июле — удивительно! Но ведь есть он — особый июльский ландыш.

Вырастает он по заливым лесистым берегам реки Волхов и её притоков. За зиму здесь обычно выпадает много снега. Весной, в половодье, реки широко разливаются, затопляют леса, луга, поймы. В июне разлив заканчивается, воды уходят в свои берега. Пригреет солнышко — и проснётся корневище ландыша, выпустит стебель, на котором в июле и зацветут белые колокольчики.

Ландыш — лекарственное растение. Раздельно заготавливаются его листья и цветonoсные стебли, сушатся в тени, на чердаках. Чтобы не повредить корневище, цветы и листья рекомендуется срезать. Препараты из ландыша регулируют и укрепляют сердечную деятельность. Это старинное народное средство.

ОСТОРОЖНО — ОПАСНОСТЬ!

Как ни красив, как ни пахуч ландыш, но будьте с ним осторожны! Не вздумайте взять цветочки и пожевать или пробовать его ягоды — опасно! Яды, содержащиеся в ландыше, в первую очередь поражают сердце.

Но ещё опаснее белена. Все её части ядовиты, особенно семена. Съеденные в большом количестве, они приводят к безумию и даже к смерти.

Растёт белена чаще на огородах, вдоль заборов, у дорог, на мусорных кучах. Как её узнать? Листья у неё мягкие, тусклые, сверху тёмно-зелёные, снизу более светлые, сероватые. Цветы грязновато-жёлтые, испещрённые чёрно-фиолетовыми жилками. Лепестки венчика в середине цветка почти чёрные. Листья и стебель покрыты волосками, издающими неприятный запах.

По берегам рек, озёр, по болотам цветет цикута, или вех ядовитый. В народе его называют ещё «животной скорбью», «волчьим молоком». Стебель цикуты ветвистый, гладкий, дудчатый. У основания очень толстый, покрытый узлами, из которых выходят ветки, листья и зонтичные соцветия. Цветки белые, мелкие. Это тоже ядовитое растение. Для крупного скота достаточно 250 граммов, а для овец 80 граммов свежих корневищ цикуты, чтобы отравиться смертельно. Опасна цикута и для человека.

КОГДА ЦВЕТЁТ ПАПОРОТНИК

Всё есть у папоротника — корни, стебель, листья, а вот цветов никто не видел. Если верить старинной легенде, папоротник цветёт раз в году, в полночь на-

кануне дня Ивана Купала — на 7 июля. Цветок у него большой, огненный, и тот, кто сорвёт его, будет находить клады, зарытые в земле.

Помните в повести «Вечер накануне Ивана Купала» Н. В. Гоголя: «Глядь, краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле, чудно! Двигается и становится всё больше, больше и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звёздочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя».

В действительности же папоротник не цветёт. А зарождение легенды, возможно, связано со следующим интересным явлением. В тёплые июльские вечера перед днём Ивана Купала появляются в траве, реже на кустах, светящиеся ночью жуки-светлячки, называемые «ивановскими червячками». У самок этих жучков светятся группы клеток на конце брюшка, где имеется особое вещество — люциферин. При прикосновении к светящимся червячкам они гаснут. Может, это и породило поверье, что цветок не даёт в руки.

ЗВЕРОБОЙ

Ну и название же носит это многолетнее травянистое растение!

Но в народной медицине зверобой называли травой от девяноста девяти болезней. Люди верили даже, что он обладает волшебной силой: если пучок зверобоя повесить около двери, то он предохранит дом от диких зверей. Отсюда произошло и название. В действительности же слово «зверобой» происходит от казахского «джерабай», означающего «целитель ран».

Цветёт зверобой в июле. У него золотисто-жёлтые, довольно крупные цветы. В нашей области встречается часто. Растёт на лугах, лесных полянах, между кустарниками и в смешанных лесах.

Зверобой принят в научную медицину — для лечения различных заболеваний (упадок сил, простуда, расстройство желудка, болезни печени, ушиб, ломота, для заживления ран и при кожных заболеваниях). Заготавливают цветущие верхушки стеблей (15—20 сантиметров длиной) и после сушки отделяют листья и цветки от толстых стеблей.

Лекарственные травы принимают аптеки области. За сданное сырьё сборщики получают плату и премии за большое количество.

Аптечное управление Леноблисполкома просит школьников, пионеров, комсомольцев и всех граждан принять активное участие в сборе лекарственного сырья.

РАСТЕНИЯ-ХИЩНИКИ

Многие животные кормятся растениями. Но есть и растения, которые поедают мелких животных. Их так и зовут: растения-хищники.

К примеру, пузырчатка обыкновенная. Это интереснейшее растение встречается в реках, прудах и озёрах. Корней оно не имеет: стебель и листья погружены в воду, и растение свободно плавает. Летом над гладкой поверхностью воды поднимаются стебельки с простыми жёлтыми цветками. На листьях много пузырьков-ловушек. В каждом — отверстие, прикрытое дверцей, открывающейся внутрь пузырька. Как только мелкое водное животное коснётся дверцы, она открывается, пузы-

рёк схватывает его и мгновенно проглатывает. Выбраться из ловушки головастику, мальку или рачку нельзя. Толкая дверь, жертва ещё сильнее её закрывает. А если добыча не помещается в пузырьке, то последний заглатывает только голову или хвост, а иногда один пузырёк схватит малька за голову, а другой — за хвост. Тогда пропал малёк. Пойманная жертва умирает и всасывается внутренними стенками растения.

Кроме пузырчатки, ловит насекомых и росянка. И не только ловит, но душит, топит, а потом, съедает их, оставляя лишь «рожки да ножки»: лапки, крылышки и жёсткие части.

Чем же привлекает росянка насекомых? Сверкающими капельками росы на солнце. Насекомое садится на край листа, собираясь утолить жажду, но вместо блестящих капель росы на щетинках листа оказывается клейкая жидкость. Её выделяется всё больше и больше, и она заливает комара или мушку. Мало того, щетинки наклоняются к комару и хватают его — одна за спинку, другие — за шею, бока. Пойманное насекомое старается всеми силами освободиться, но напрасно. Росянка залила его клейкой жидкостью, задушила щетинками. Мёртвое насекомое лист передвигает на свою середину и складывается, словно сжимает кулак. Через 2—3 дня он вновь раскроется, и ветер сдует с листа остатки жертвы.

Росянка, истребляя комаров и мошек, которые вредят человеку, приносит много пользы, а пузырчатка, уничтожая мальков рыбы и их корм — дафний и других мелких рачков, приносит вред.

Росянка круглолистная — лекарственное растение. Собирают её во время цветения. Старые розетки листьев отщипывают, растения очищают от приставшего мха. Пестом готовят водный настой и спиртовую вытяжку. Её назначают в виде капель при судорожном и коклюшном кашле.

Рис. А. Курушина

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

Ты их не знаешь поимённо, никогда не встречался с ними, но всё равно все они — твои друзья. Так же, как и ты, любят они доброе солнце, весёлые игры, мечтают о путешествиях. Так же, как и ты, ненавидят они войну, рабство, всегда готовы к борьбе за свободу и независимость своих стран.

Весело живут ребята столицы ГДР. Более 2600 школьников занимаются в 139 кружках Центрального дома пионеров имени Германа Титова в Берлине. Но веселее всего, очевидно, бывает у юных танцоров, когда они исполняют матросский танец.

О весёлых, радостных днях дети Демократической Республики Вьетнам могут пока лишь мечтать. Над страной висят чёрные крылья американских бомбардировщиков. В чёрных тучах взрывов гибнут люди, дома, деревья. Но не сломить вьетнамцев, не запугать. На место одного погибшего бойца становятся десятки, на месте одного упавшего дерева вырастет другое. Так решили учащиеся сельской школы уезда Уонгби провинции Куангнинь.

Самые распространённые спортивные соревнования в Народной Монголии — стрельба из лука. Дело это не простое, и учиться ему юные спортсмены начинают ещё в младших классах школы.

Народ Гвинеи (Бисау) под руководством Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зелёного Мыса продолжает вести освободительную борьбу против войск колонизаторов. Повсюду на освобождённой от 500-летнего португальского гнёта территории страны строится новая жизнь — создаются школы, больницы, детские сады. В новых школах проводятся первые пионерские линейки.

Трудно ещё живётся детям Афганистана. С малых лет должны они зарабатывать себе на жизнь. На снимке: уличный продавец цветов.

Огромна наша планета. Далеко на востоке выходят на улицы юные барабанщики Коре́йской Народно-Демократической республики. И, словно отвечая им, в далёкой Африке, в освобождённых районах Дофара подаёт сигнал сбора юный горнист.

60 ТЫСЯЧ ПТИЦ

Столько их зимует в Иссык-Кульском заповеднике (Киргизская ССР).

Озеро Иссык-Куль — одно из немногих незамерзающих в стране. Сюда ежегодно прилетает на зимовку много водоплавающих птиц. Больше всего здесь красноногой ныртки, уток-лысух и лебедей.

Этой зимой учёные провели перепись зимующей на озере птицы.

РЕДКИЕ ЖИВОТНЫЕ

В Барселонском зоопарке (Испания) живёт белая горилла. Гордостью зоопарка в Дели (Индия) является белый тигр. Недавно это семейство животных - альбиносов пополнилось белым жирафом. Этот редкий экземпляр родился в зоопарке Узно (Токио). На его теле нет ни одного пятнышка. Как утверждают специалисты, это первый известный учёным белый жираф, появившийся на свет.

МАЛЮТКА

Известный украинский умелец Н. Сядристый создал самую маленькую в мире книжечку — «Кобзарь» Т. Г. Шевченко. Площадь её обложки — 0,6 квадратного миллиметра.

Книжку можно продеть сквозь ушко иголки. Страницы «Кобзаря» вдвое тоньше папиросной бумаги. Печатный текст на странице занимает 0,5 квад-

ратного миллиметра. Малютка сшита на утинкой, так как другие материалы оказались слишком грубыми. Обложка изготовлена из лепестка цветка бесмертника и украшена с обеих сторон золотыми полосками.

Перелистывать книжечку можно лишь кончиком заострённого волоса, а читать — только под микроскопом.

НАЙДЕН ФЛОТ НАПОЛЕОНА

В бухте Абукир, недалеко от египетского города Александрии, обнаружены три военных корабля флота Наполеона Бонапарта. Они были потоплены английским адмиралом Нельсоном.

Корабли найдены на глубине 24 метра, и, несмотря на то что пробыли в воде почти 200 лет, время их не разрушило. Только на корме одного из них имеется повреждение, полученное в ходе сражения.

...наша страна — крупнейшая железнодорожная держава мира? По протяжённости железнодорожных линий она занимает второе, а по электрификации первое место в мире. Армия наших железнодорожников насчитывает более трёх с половиной миллионов человек.

...самая старая из существующих гранитных набережных Невы находится между Зимней навалкой и Марсовым полем? О времени её сооружения свидетельствуют даты, выбитые на полуокружьях гранитных спусков: «1764», «1766» и «1767».

...самый длинный мост в нашем городе — мост Александра Невского? Его длина, вместе с подходами, немногим менее одного километра.

...самый широкий мост в Ленинграде, да и вообще в СССР — Синий мост через Мойку на Исаакиевской площади? Его ширина 99 метров.

...в Дании рыбак Иенсен поймал в свою сеть пятиметровую акулу весом в тонну? Два часа таскала хищница по морю небольшую рыбацкую лодку, и только с помощью подоспевших товарищей Иенсену удалось вытащить акулу на берег.

...океан меняет воду каждые три тысячи лет? Советские учёные пришли к выводу, что круговорот воды в природе совершается гораздо интенсивнее, чем предполагалось. Ежегодные испарения с поверхности Земли определяются огромной цифрой — более полумиллиона кубических километров воды. Пары атмосферы над планетой обновляются в среднем раз в десять суток, вода в реках сменяется каждые двенадцать дней, в озёрах — каждые десять лет. Самыми долговечными «копилками влаги» оказались ледники, в которых водообмен происходит за восемь с половиной тысячелетий.

...в Англии построено школьное здание, обогреваемое за счёт солнечных лучей и тепла, выделяемого при дыхании школьников? Все классные комнаты школы расположены со стороны стеклянной стены, а коридоры находятся с другой стороны, освещённой лишь несколькими окнами. По сравнению со зданиями, обогреваемыми обычным способом, содержание его обходится на 12 процентов дешевле.

...окаменелый «гербарий» обнаружен в безводной пустыне к северу от нижнего течения реки Сыр-Дарья? Здесь найдено множество отпечатков листьев растений, зеленевших примерно 70 миллионов лет назад. Казахские учёные изучают уникальный «гербарий». Находка показала, что в далёкую геологическую эпоху Центральный Казахстан покрывали дремучие узколистые леса.

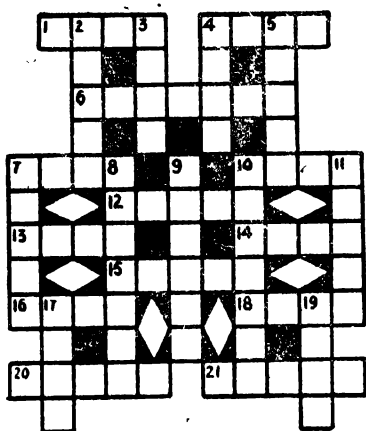

...на территории Эстонии имеются коралловые образования, одни из старейших в мире? Дело в том, что более 400 миллионов лет назад над нынешней Эстонией простиралось тропическое море. Изучение этих древних кораллов имеет большое значение при определении возраста земли, чем и занимаются сейчас советские учёные.

...редкостный сюрприз преподнесла природа казахстанским геологам? В 240 километрах от Аягуза, в урочище Космурун, они обнаружили огромную железную «шляпу». «Донышко» её выглядывает на поверхность земли, а «поля» опущены на глубину 35 метров. Вся «шляпа» пронизана рассеянным золотом.

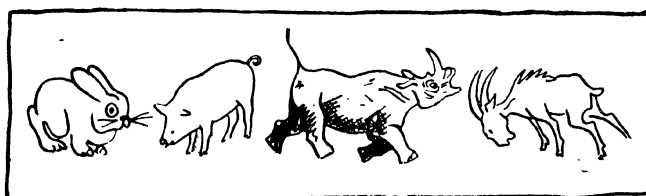

По горизонтали. 1. Часть тела лошади. 4. Острое инфекционное заболевание. 6. Порода собак. 7. Навес над балконом, крыльцом, наружной дверью. 10. Столица Латвийской ССР. 12. Простейшее микроскопически малое животное. 13. Второй завтрак, после полудня. 14. Небольшое складное опахало. 15. Старинная русская мелкая монета. 16. Военный, солдат. 18. Деревянный крестьянский дом в деревне. 20. Рыба семейства кефалей. 21. Персонаж рассказа А. М. Горького «Старуха Изергиль».

По вертикали. 2. Минерал, разновидность корунда. 3. Войсковая часть. 4. Отдельный фотографический снимок на ленте кинофильма. 5. Спортивная игра с мячом овальной формы, в кожаной покрывке. 7. Вдающаяся в сушу часть океана, моря, озера. 8. Повозка с открытым лёгким кузовом, распространённая в кавалерии в период гражданской войны. 9. Пятиглавая гора вулканического происхождения, у подножия которой расположен город Пятигорск. 10. Участок суши, характеризующийся малыми колебаниями высот, плавными переходами от повышений к понижениям. 11. Главная артерия большого круга кровообращения, снабжающая кровью все органы тела. 17. Известное произведение Войнич. 19. Крупное хищное животное из семейства кошек.

КТО ЛИШНИЙ?

На рисунке вы видите четырёх животных. Трёх из них объединяет какой-то общий признак, а одно животное не подходит под этот

признак и поэтому выпадает из ряда.

Отыщите его.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Рассмотрите внимательно тринадцать слов: жеода, молоко, агава, Обь, Ош, пион, серия, фата, цех, щи, ячея, эхо, язь.

В каком порядке нужно переписать их, чтобы они образовали ряд, построенный на чёткой закономерности?

АНАГРАММА

Из тридцати букв восьми слов — бой, пыл, пепел, меч, лес, право, няня, овца — составьте отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Арион».

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 5)

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Гречиха.
6. Борма. 7. Отара. 9. Лот. 11. Река.
13. Бант. 14. Кегли. 15. Грот.
17. Чаша. 19. Инд. 21. Занос.
22. Апорт. 23. Вёрстка.

По вертикали. 1. Огарок. 2. Пенал. 3. Пилот. 4. Канава. 6. Керогаз.
8. Антракт. 10. Орган. 12. Акт.
13. Бич. 16. Огниво. 18. Аромат.
19. «Искра». 20. Данте.

ПЛЕТЁНКА

По горизонтали. Метчик. Период.
Тетива. Комета. Клевер. Компас.

По вертикали. Марев. Монтаж.
Кубрик. Окисел. Окорок. Пеленг.

ЦЕПОЧКА СЛОВ

Весна, Веста, весть, тесть, тесло, тепло.

Содержание

Журавли. Стихотворение Владимира Орлова	1
Пустая обойма. Рассказ К. Курбатова	2
Моё село. Тополя. Дороги. Виноградники. Стихи Владимира Руснака	14
Знаменитая история с белым медведем. Трудная дорога назад. Богатый улов. Главы из повести В. Воскобойникова	15
Слушайте песню перьев. Повесть Николая Внукова	25
Баллада о дельфине. Полдень. Стихи Владимира Кудимова	42
Намби. Повесть Веры Абдуловой	44
Янтарь, песок и яблоки. Очерк Петра Милосердова	51
Необычный букет. Статья И. Балбышева	56
Дети разных народов. Текст к фотографиям на 3-й странице обложки	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Синь морская».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд М. Ширмана «Следопыты в пути».

На 3-й странице обложки подборка фотоснимков «Дети разных народов».

На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Лето спортивное».

Редактор В. Л. БИАНКИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 29/IV 1972 г. Подписано к печати 5/VI 1972 г. 4 печ. л.
М-18751. Заказ № 711. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
Ленинград, Фонтанка, 57

ЛЕТО СПОРТИВНОЕ

ПРЫЖКИ ЧЕРЕЗ КОНЯ

БАРЬЕРНЫЙ БЕГ

УПРАЖНЕНИЕ НА ТУРНИКЕ

ФЕХТОВАНИЕ

ПОДНЯТИЕ ТЯЖЕСТИ-РЫВОК